

Я люблю, конечно, всех

1. День рождения

На табуретке лежит тыква. На длинном столе стоит примус, на примусе – пустой казан. Тяжелый засов на двери веранды уже отодвинут. Старик, не разгибаясь, шаркает к выходу. По пути одобрительно кивает тыкве, голубой клеенке, покрывающей стол, казану, примусу. Не хватает бидона с густым белым молоком. Сейчас Муся принесет. Да. Муся плохого не купит.

От старика пахнет примусом. Рот у него радостно приоткрыт, как будто минуту назад ему в чем-то очень повезло. Он толкает дверь, и она с медленным скрипом уходит налево, долго покачивается, приманивая к стене. Старик шурится, в глазах щемит от красоты. Такое голубое небо! И так близко начинается – прямо за сараями. Он пробует носом легкий утренний воздух. На георгинах роса, на белых и на бордовых. И на гвоздиках роса, и на настурциях, и на этих, больших, с красными листьями, что Муся посадила – пусть растут...

Слезы катятся по пушистой серебряной щетине. Ленечка! Где ты, Ленечка? Видишь ты, сынок, эту красоту? Или там еще лучше? Но что может быть лучше? Если бы еще сарай покрасить. Даст Бог, он на ту весну соберется. Он бы и дом покрасил со стороны двора, а то с улицы еще освежат к какому-нибудь большому празднику, а со двора – никогда. Пусть бы оставили ему бочку краски и люльку...

Старик задумывается, и его открытый рот приобретает виноватое выражение. Нет. В люльку ему уже не забраться.

При мысли о высоте у старика слабеют колени, и он хватается за рыхлую спинку соломенного стула. Садится боком, издалека, а потом уже подтягивает к себе ноги, разворачивается лицом к клумбе. Смотрит на георгины. Большие, крепкие, как капуста. Если Муся принесет капусту, он попросит ее сделать голубцы. Чего так заколотило? Кто его гонит в люльку? Есть что делать и без люльки. Дел полно. Он нашупывает в кармане мятую пачку "Казбека", но так и не вытаскивает ее. Возвращается на веранду, снимает битый таз с помойного ведра и удовлетворенно кивает: ведро заполнено ровно на три четверти. Как раз хорошо, чтобы нести. Он осторожно идет с ведром вдоль сараев и кивает на каждый свой шаг. Земля твердая, трава курчавая, тугая. Дворник уже успел вычистить в уборной. Молодец! В такую рань! И люди еще не напачкали. Хорошо. Всегда надо попасть вовремя.

У старика становится такое лицо, будто он только что перехитрил весь мир. Он осторожно сливает помой в цементную дыру, особо стараясь, чтобы тоненькие детские какашки не зацепились на бортике. Ну вот! Когда хочешь, чтобы все было чисто – будет чисто, хоть удобная уборная, хоть нет.

Резкий звук льющейся воды заставляет старика быстро поставить ведро и задвинуть щеколду. Он едва успевает расстегнуть крепко пришитые пуговицы. Вот так... Конечно, когда Муся пришьет пуговицу – ее потом пилой не отпилишь. Да. А белье теплое он напрасно надел. Млосно. Но в четверг шел дождь. Вот он и взял с собой в баню теплое белье.

Старик застегивается и несет ведро к крану. Полощет его и сливает в уборной. Еще раз и еще, стараясь не накапать на пол. А как же. Кто не хочет, тот не нагадит. Конечно, женщине хуже, чем мужчине, но мадам Мульман могла бы и поаккуратней. После нее хоть иди в соседний двор. Или на Крещатик. Старик останавливается, чтобы посмеяться. Смех, рыхлый, как кашель, выходит из самой глубины живота. Нельзя смеяться. Она – больной человек. Такое с каждым может случиться. Разве кто-то сказал бы хоть слово, если бы она из себя не строила? Идет и смотрит мимо людей, будто она артистка какая-нибудь и идет не из уборной, а с концерта. Это уже так и знай, что под дверью кабинки – лужа, а на стене... Да-а... Это не понос, а прямо-таки альфрейная работа!

Не удалось ему сделать из Самуила альфрейщика. Альфрейщик – это, считай, все равно, что скульптор. Тут нужен особый талант. Вот если бы Ленечка занялся этим делом... У него бы точно получилось. Ходили бы втроем. Они бы такие дела делали. Может, даже театры!

Старик мечтательно улыбается: ему представляется, как они идут по улице, отец и два сына. Театр... На такую большую работу пришлось бы и Полю взять. Так, как Поля колер подберет – так никто не подберет! Правда, Фима ее вряд ли пустил бы... Ничего. Самуил тоже разбирается в красках. Так, как Самуил сделает потолок, так мало кто сделает. А про бордюры и говорить нечего. Тут ему равных нет. Да, недаром столько сил вложено в Самуила. Бывало, берешь ремень, и сердце кровью обливается: такой он стоит жалкий, глаза испуганные... А главное, знаешь, что он старается изо всех сил. Вот у Ленечки все сразу получалось.

Старик даже останавливается в восхищении: откуда у него такой ребенок? Только и слышал: "самый способный, самый лучший". И в университете, и в танковом училище... А! Что говорить...

Старик тщательно вытирает подошвы о траву и поднимается на веранду. Ну вот. Уже вернулась. Это же ветер, а не Муся. Старик заглядывает в бидон – и кивает. Заглядывает в растопыренную сумку – и кивает. Начинает мыть над ведром руки.

– А я уже лук перечистила, папа.

Доски так и скрипят под Мусиными ногами. Она кладет в миску целый снопок мытого лука. Белый и зеленый – аж синий. Муся плохого не купит.

– Зачем надо, чтобы он лежал грязный? Правда, папа? Я уже все равно шла к колонке.

– Почему картошка?

– По рубль десять.

Старик кивает.

– Я могла взять в магазине, но не нужна мне гниль по девяти копейкам, когда я могу иметь по рублю десять картошку!

Старик кивает.

– Капусту купила?

– А как же! – Муся вытягивает из глубин кошелки громадный плоский качан.

– А? Какая беленькая! Солнышко, а не капуста! Я лучше заплачу лишние двадцать-тридцать копеек, а дрянью я не возьму. Хоть бы она ко мне говорила!

– Курицу взяла?

– Нет, папа. Я взяла... Вы сейчас будете ругаться...

Старик пошире раскрывает рот в ожидании сюрприза.

– Я взяла кишки, папа, на колбасу.

Старик радостно кашляет, грозит пальцем, и Муся самодовольно кричит.

– Сейчас я поставлю кашу и займусь. Доброе утро, мама.

Старуха не замечает приветствия, она занята своей собственной мыслью. Даже дверь за собой не прикрыла. Подходит к столу и становится за спиной у Муси, громко и прерывисто дыша. С недовольной гримасой следит за тем, как Мусина рука уходит глубоко в брюхо тыквы и выворачивает на газету полную горсть белых семечек, отвратительных в ржавой родовой слизи.

– Тут будет не меньше четырех стаканов! – обижается Муся за свои семечки. – Стакан – двадцать копеек, а я за всю тыкву дала рубль тридцать. Считай...

– Сима у нас будет сегодня? – перебивает старуха. – Смотри, снова не забудь отдать ей деньги.

– Да не нужны Симе этих четыре копейки! Она обидится, если я стану ей совать четыре копейки!

– Это ее дело. А наше дело – отдать. Одолжил – значит отдай.

Лучше было Мусе давным-давно сказать, что она уже вернула Симе долг. Надо же! Это сколько лет прошло, если мать еще ездила сама на базар. Но, конечно, она была уже не та мама. Как можно набрать продукты и не подумать, что надо оставить три копейки на обратный трамвай?! Это еще счастье, что она встретила Симу, а то была бы пешком поковыляла домой. Да. Мама уже не поедет на базар...

Муся тянет носом, удерживает ладонью накатившиеся слезы, высыпает нарубленный лук в фарфоровую миску, солит, поливает уксусом из зеленой бутылки, потом маслом из белой.

– Смотри, мама, хорошее масло, хоть и магазинное. Когда хорошее – тогда нечего сказать.

– Масло-шмакло. Вам в голове масло. У вас нет других забот.

Муся смотрит, как мать боком спускается со ступенек, лохматая, неопрятная, и ничего ей не говорит. Все равно не поможет. Взяла себе привычку надевать халат прямо на ночную рубашку и так и

выходит во двор. Да к тому же не застегнет как следует ни то, ни другое... Хорошо хоть, во дворе еще нет людей. Надо будет ей купить такой халат, чтобы закрывался доверху. И куда все ушло? Посмотришь на нее – так она старше отца. Ноги шаркают по земле, цепляются за траву, спина согнутая, рука на поясице. И кажется, что от нее пахнет кислым. Но это уже чепуха. Разве Муся допустит, чтобы в доме от кого-то пахло кислым? Это такое выражение лица...

Что делать? Муся не умеет воскрешать мертвых. А то бы она имела кого воскресить! Если бы Эллочка, дочечка золотая, была жива, ей было бы уже тринадцать. Ребенка жалче всех. Но разве бедную Фаню не жалко? Разве плохо было бы, если бы воскресла Фаня? И пусть бы Самуил сам решил, с кем ему оставаться: с Фаней или с Тамарой. Муся бы и первую жену Даниила воскресила и сказала бы: иди к ней. Первая семья – важнее. Твоя жена тебя не обижала. Не нашла себе другого вместо тебя! Чем она виновата, если Гитлер ее убил?

Но раз уж их, умерших, воскресить невозможно – что ж... Надо жить. Полуйкина мать разве не любила своих сыновей? И вот ей семьдесят, а как она бегаёт, нивроку. Смотрит за собой. Она на общую кухню без накрашенных губ не выйдет, не то что в ночной рубахе. И правильно делает. Горегорем, а следить за собой надо.

Конечно, здесь чужих никого нет, но дети же ходят, мальчишки. А мать даже халат не опустила как следует. И попробуй сделай ей замечание.

– Давай, мама, мойся быстрее, я хочу, чтобы ты позавтракала, пока я...

– Это твоё бельё? – перебивает старуха и указывает брезгливым подбородком на простыню, развешенную у входа на веранду. Сухая простыня с мокрым кругом в центре.

У Муси от обиды становятся узкие глаза.

– Это похоже на мое бельё? Ты когда-нибудь видела, чтобы я повесила такое бельё? На мое бельё все соседки ходят смотреть, такое оно белое! Я в своей жизни ни разу пеленочку не подсушила за ребенком!

– Всё, – говорит старуха. – Пусть уже пройдут именины – я сама поведу его к врачу. Раз больше нету кому, раз у него нету ни матери, ни отца...

В другой раз Муся поддержала бы мать, но именно сегодня заводиться с невесткой ни к чему. Тамара потом не выйдет к столу и всем испортит настроение. А то бы она ей сказала. И Самуилу. Тоже хорошо! Конечно, врач тут ничего не сделает, если ребенок ночью писается. Но как можно кричать на сироту, на взрослого мальчика! И вешать такую простыню, чтобы все видели! Нет! Когда-нибудь она ей все скажет. Подумаешь – красавица! Надо было искать себе тоже красавца. И без ребенка, если ты не можешь терпеть мелочь от чужого ребенка. Что, мало мужчин было на фронте? Почему же ты не выбрала себе такого, как тебе надо?

– Мишенька, детка! – позвала Муся племянника. – Иди, детка, сюда, покушай салатик.

– Я уже завтракал, тетя Муся.

– Ничего. Салатик – это не еда, всегда можно перехватить с кусочком хлеба с маслом. Хочешь, я тебе отрежу селедочку?

– Селедочку, Миша! – вдруг оживает старуха. – Ты же любишь селедочку.

Миша неуверенно присаживается к углу Мусиного стола, длинного, как базарный прилавок. Миша не голоден. Он ел картошку с двумя котлетами и соленый огурец. И чай с магазинным печеньем. Но когда Муся привяжется... Да еще бабка станет над головой и сопит, и смотрит за каждой ложкой, провожает от тарелки до рта, как будто без бабки он может сунуть еду куда-то в другое место! В ухо, что ли? И головой своей кивает – вниз-вверх. Лучше бы причесалась. Миша ест быстро, плохо прожевывает. Он боится, что Тамара выйдет на веранду и увидит. А бабка с Мусей переглядываются, что-то шепчут друг другу по-еврейски.

– Это называется, что он не голодный! – бабка горестно раскачивается уже всем телом и вдруг, расстроено махнув на всех рукой, уходит в свою комнату.

Миша поспешно выбирается из-за стола, на ходу вытирает ладонью губы, не отрывая глаз от заколыхавшейся бордовой шторы. Кажется, заметила: Миша поймал быстрый, темный взгляд Тамары. Ну вот! Чего они все хотят?! Зачем его мучают? Он привык к Тамаре. А мать он совсем не помнит. Ни лица, ни голоса – даже удивительно! Помнит дом, в котором они жили в эвакуации, помнит, как прятался в хлеву с Ринкой и Изькой. Как привезли гроб. Но, может, это и не тот был.

Помнит, как пролил суп и хватал с полу картошку и пшено, а Муся не давала и заставляла доесть из своей тарелки. И вот странно: с полу не брезговал, а из Мусиной тарелки казалось противно. Нет, он любит Мусю. И бабушку тоже. Но зачем они все время напоминают! Он мог бы и не узнать никогда, что Тамара ему мачеха. Это было бы в сто раз лучше! Спрятали бы фотографии матери. Или наврали бы ему, что это какая-то родственница. Тамара гораздо красивее ее. И как она могла выйти замуж за отца?! Ведь ей, наверно, стыдно ходить с ним по улице. Эта его выпяченная грудь, короткие ноги, красная лысина, ноздри, прижатые, как у кролика... А главное – эта вечная капля пота под носом! Мише кажется, что когда Тамара произносит его противное имя "Самуил", у нее сводит горло. У него тоже сводит горло, когда он говорит ей "мама". Эх, был бы он на самом деле сыном Тамары! Как он гордился бы ею! Ее орденами, медалями. Ее темными прозрачными платьями! Конечно, она строгая. Но она и с Мунькой строгая. Если бы это у Муньки такое по ночам случалось, она бы еще и не так кричала. Но у Муньки с этим все в порядке. И у Ромки тоже. Только у него, у самого старшего! Уже скоро бриться надо будет... Миша трогает пушок под носом. Позавчера заметил. Думал, что это грязь. Мыл, мыл... Изька придет, надо будет посмотреть, как у него.

– Тетя Муся, на когда вы гостей позвали?

– Я звала на четыре часа. Наверное, на пять соберутся.

– Надо было, чтобы детей привели с утра, – скрипит старик. – Пускай бы они побегали во дворе.

Потом бы их переодели.

– Ты что, не знаешь свою дочку, папа? Разве она может прийти чуть раньше? Наша Поля будет до последней минуты чистить и гладить.

– Ну, что делать, Муся, ей на все не хватает времени...

– А кому хватает времени, папа? Но я тебе вот что скажу: вещь должна лежать в шкафу такая, чтобы можно было ее взять с вешалки и сразу одеть. Конечно, лучше ее немного освежить утюгом. Когда вещь подглажена, она... она дышит, как живая!

Старик кивает согласно.

И старуха в комнате за шторой тоже кивает. Она никогда не ленилась лишней раз подглядеть вещь. Бывало, так накрахмалит, так отутюжит, что белью становится, как гладкая бумага. А ему все чего-то не хватало. Старуха обиженно складывает губы, но тут же вспоминает, что это было давно, и успокаивается. Слава богу, все кончилось: и карты, и женщины. Он всегда рядом. Но что с того? Если бы был жив Ленечка!.. Или хоть так: раз уж ему была судьба погибнуть, пусть бы погиб в начале или в середине войны, когда все погибали. А тут... Да. Ей не надо было радоваться, пока он не пришел. Пока она не увидела его собственными глазами. А она плакала, благодарил Бога, билась головой об пол, когда оставалась одна. Старик ходил смотреть какой-то костюм. Хорошо, что не хватило денег... А может, наоборот. Была бы какая-то память. Она бы сейчас достала и посмотрела. И переложила бы травой от моли. Нафталин – это такая гадость! Моль от него не дохнет, а вещи воняют целый месяц. Никаким одеколоном не перебьешь. Она бы положила лимонную корку, васильки, пахло бы так, что душиться не надо! Может, ей удалось бы поплакать. Она бы закрылась на крючок, а то дети бегают повсюду...

Старуха плаксиво кривит лицо, напрягает горло... Нет. Не выходит. Кончились слезы. Это – как молоко: если оно кончилось – хоть дави, хоть режь пустую грудь... Старуха с отвращением опускает глаза на длинные, как чулки, прилипшие к животу груди и начинает протирать под ними скомканной рубашкой. И под мышками. И шею сзади, под волосами.

– Ты что так сидишь? – пугается старик и быстро захлопывает дверь. – А если бы дети были бы зашли?

Старуха устало пожимает плечами.

– Я не знаю, что мне делать: одеть сразу нарядное белье или подождать позже...

– Давай уже сразу одевай. Чтобы потом осталось только натянуть платье.

– Хорошо. Не уходи. Ты мне лифчик застегнешь.

Она начинает разбирать свой большой застиранный лифчик, путаясь в шлейках и петлях. Старик ждет. Черная дырочка его мягкого рта дрожит и движется – то от сочувствия, то от досады. И на что она сдалась, эта сбруя? Боже-Боже! Если бы ему когда-то показали эти дряблые лохмотья на

неуклюжих костях... А ведь была совсем неплохая, не хуже, чем Муся. Что с нами делают годы! Годы. А главное – горе. Да и он сам виноват...

Старик осторожно пробирается между столом и шкафом. Рука, как у слепого, протянута вперед, будто он боится, что не дотянет до кровати. Он раскрывает рот, чтобы что-то сказать. Нет. Не может. Целует старуху в плечо и садится рядом.

Старик плачет. Тоненькие сильные выдохи один за другим выходят из самой глубины его тела. А старуха тихо кивает. Она благодарна ему. Он ни в чем не виноват. То, глупое, в молодости, она уже и забыла. А за Ленечку... Так разве кто-то ходил к нему спрашивать и он дал свое разрешение? Он просто хотел ее успокоить. Конечно, досадно, когда парня из университета забирают в танковое училище. Так скажи просто: "Что мы можем переделать?" Нет. Он стал ее уговаривать, что это большая удача. Что если начнется война, Леня будет иметь военную специальность. Он будет ездить в танке, за железной броней. Он не будет бегать пешком с винтовкой. И разве было не так? Полуйка уже в сорок первом получила две похоронки. И Дина... А Ленечка... все-таки прошел всю войну... Конечно, им лучше – и Дине, и Полуйке. Не так обидно... Но она бы не стала меняться с Полуйкой. Вот если бы ей сейчас сказали: "Умри – и он оживет на пять минут, и будет дышать, и ходить, и улыбаться пять минут"... Она бы считала за счастье! А тут – целых два-три года жизни! И эта русская девушка... Почему она не приехала к ним? Они бы приняли ее, как дочь. А вдруг у нее был ребеночек! Ведь это Ленечка! Разве ему кто-то мог в чем-то отказать!

Рот старухи трудно раздвигается в самодовольной усмешке. Вот кого бы она любила! Больше всех своих внуков, даже больше, чем первых, довоенных! Она просто уверена, что где-то в России бегают мальчик – крупный, черненький, голубоглазый. Ленечкина копия. Когда передают прогноз погоды, у нее всегда душа болит, если в России сильные морозы. Как они там? Есть ли у нее во что одеть сиротку? Ее, бедную, наверно, обижают. Нет-нет – и упрекнет кто-нибудь: фронтовая жена! И языки у них не поотсыхают! Разве они знают Ленечку? Какой он порядочный, честный! Если у Ленечки были отношения с девушкой – значит, он собирался жениться. Тем более, что он писал о ней родителям. Правда, он ничего не писал о ребеночке... Но это произошло, наверное, в самом конце. Девятого или десятого мая. Видно, они решили, что вот, мол, война закончилась, и можно себе позволить.

– Ты был прав, – говорит старуха. – Если бы он не ездил на танке, он бы погиб еще в сорок первом году.

Старик ничего не отвечает. Только сильные выдохи его становятся длиннее и чаще. В рот катятся соленые слезы. Старик, охнув, поднимается и спешит на веранду. И скатерть со стола ползет за ним...

– Муся! – взволнованно хрипит он. – Ты не давала в бульон соль?! А то я уже дал, я забыл тебе сказать!

– Что ты так испугался, папа? Тебе нужен приступ? Чтобы ты знал: я никогда ничего не брошу в кастрюлю, пока я не попробую! Мало ли что может быть! Всегда надо сначала пробовать. А может, там выкипело, или что.

Старик согласно кивает. Отлегло.

– Смотри, папа, какие колбаски получились.

Старик умильно цокает языком. Тугие! Круглые! Как живые зверьки.

– Такие колбаски, как ты делаешь – таких никто не делает! Они будут прыгать из тарелок, такие колбаски!

Старик заходится радостным сипом, а Муся, гордая, крикает.

– Такой дурак! – внезапно мрачнеет старик и начинает искать в кармане "Казбек".

– Ничего, папа. – Муся на секунду отрывается от дела. – Он мне не сделал хуже. Я ничего не потеряла, папа.

– Это да! Это да! – снова расцветает старик. Семенит к своему стулу, усаживается со скрипом, чиркает спичкой.

Что говорить. Новым зятем старик доволен. Ничего не скажешь. Мусе больше всех повезло. Такого добряка, как Даниил, второго поискать надо. Такого зятя, такого отца, такого соседа. Да и... Старик заливается розовой краской. Когда живешь столько лет в одной комнате – нет-нет да и услышишь лишнее. Яша, конечно, был пожиже. Хотя и Яшу жалко. Тоже хороший парень. Правда,

много о себе понимал. Инженер! То, се... Старик с самого начала так и ждал, что он найдет себе какую-нибудь инженершу. Но чтобы все это кончилось разводом – у него и в мыслях не было. Большое дело! Инженерша туда, инженерша сюда... Сколько он их сам имел в молодости! А все люди. Поспешили передать. Не посмотрели, что женщина месяц назад ребенка похоронила. Если бы Эллочка была жива, Муся бы не решилась. А так... Вот это же и было особенно обидно: тут ребенок твой умирает, а ты там, в Челябинске, с инженершами...

Но если спокойно подумать... Он же мужчина, Яша. А сколько мужчина может быть один? Разве Полин Фимка не гулял? И на фронте, и в госпитале имел... Но Поля об этом и знать не хотела. Поля – она самая умная из его детей. Она жизнь понимает. Поля правильно говорила Мусе: "Вернемся домой, и никто тебе не поверит, что это ты сама бросила Яшу. Мужчины сейчас на вес золота. Самый плюгавый будет искать себе красавицу". И разве не так оно было? Разве в другое время пошла бы Тамара за такого, как Самуил? И к ней же еще все и придираются. Как будто она виновата, что Фаню забрал тиф. Чем она плохая, Тамара? Ну, может, с детьми слишком строгая. И вообще... живет как-то невесело. Но это уж Самуил виноват. Иногда хочется снять ремень и перетянуть ему, чтоб не спал на ходу. И еще бегаешь жаловаться! Как был в детстве ябедой, так и остался. Эх, ей бы другого, Тамаре...

Что-то путается в голове у старика, он подбочивается, щурится, как в молодости. И уже ему Тамара – не невестка, а молодая, чужая женщина. Невысокая, но статная, яркая, и каждая черточка на лице – будто нарисованная, особенная, не такая, как у всех. Было бы ему сейчас лет... сорок! Она бы у него не ходила такая кислая! Просто он имел к женщинам подход. Шутки, прибаутки. А на лицо был такой же незавидный, как Самуил. Лицо – это в жизни не главное. Вот и Поля пошла в него. Такая же бесцветенькая. А парни за ней бегали вовсю.

Старик заходится кашлем, тихим, но таким глубоким, что кажется, будто стул скрипит и кашляет вместе с ним.

– Папа! – Муся крепко стучит пальцем в стекло веранды. – Вы слишком много курите, папа!

Старик виновато гасит папиросу.

– Я пойду, помогу тебе ставить на стол.

Муся высовывается из дверей и протягивает старику алюминиевую миску.

– Если ты ищешь себе, что делать, папа, на, дай кушать собаке. Тут, папа, кости и обрезки от кишек. Я еще немного юшки добавила.

Старик радостно тянется за миской.

– О-о! Хорошо! Пусть ест! Пусть тоже погуляет! Цыган! Смотри, Цыган, какой я тебе банкет несу!

Цыган нетерпеливо твякает. Он выбежал из беседки на всю длину своей цепи.

– На. Кушай, кушай, дурачок.

Старик сливает еду в собачью миску, сталкивает пальцем косточки, картошку. Все это тесно и уютно хрюкает.

– Кушай, кушай! – любитесь старик на собаку.

Цыган самозабвенно чавкает и ворчит.

– Отдай, а это отдай, подавишься!

Старик тащит из собачьей пасти лавровый лист и тут замечает, что рядом с ним стоят Ромка и Мунька.

– Вот так никогда не делайте, – оборачивается он к внукам. – Если у собаки тащить изо рта, она обязательно укусит! Вы поняли? Это меня он не трогает. А другого может разорвать! Вы поняли?

Он повторяет еще и еще раз, как заклинание. Потому что видит свою ошибку: маленький Ромка теперь ждет, чтобы он ушел. Обязательно попробует что-то утащить у собаки. А Мунька боком пятится, он и так никогда не подойдет близко к будке.

– А если человека укусит собака, – старик поднимает к небу руку с грозным указательным пальцем, – ему будут делать сорок уколов в живот!

– В живо-о-т? – сгибаясь от ужаса, переспрашивает Мунька. И Ромка раздумчиво приподнимает рыжую бровь, мысленно пересчитывает уколы.

– И еще операцию! Ты меня слышишь, Рома?!

– Смотри, деда, кто идет!

А это шли мы.

Когда я вспоминаю наши походы на Борисовскую, сначала вижу старика со старухой. Как они сидят рядышком на застеленной кровати. Они сидят прямо, опираясь ладонями в матрац. Сейчас мне кажется, что над ними нависала двойная арочка. Может быть, потому, что в их позе и неподвижности было что-то иконописное. Они будто больше не участвовали в жизни, но все, что вокруг толклось и мельтешило, требовало их оценки и суда. Позднее я увидела точно такие же неподвижные лики в музее, на покореженных византийских досках: желтый фон – и два желто-белых лица с наивно намалеванными румянцами. По нижнему краю картины – черные остатки букв. Что там могло быть написано? "Авраам и Сарра"? "Иаков и Рахиль"?

Эти имена я знала еще совсем маленькой, от няни. Вместо сказок она рассказывала мне библейские истории. И почему-то они получались у нее похожими на сплетни о бывших хозяевах. Которые и сейчас живут где-то за углом, на Коминтерна. Или на Подоле. Когда Настя говорила про Лота и его жену, превратившуюся в соляной столб, я думала, что она имеет в виду родителей тети Муси. Нет, я не сомневалась в том, что старуха – живая. Однажды я видела, как она приподнялась и, перебирая рукой по постели, дотянулась до тумбочки в ногах кровати. Она что-то оттуда взяла. Но при этом старуха все-таки не вышла из того мутненького желтого пространства, вне которого, как мне тогда казалось, не могла существовать. Это пространство начиналось справа, за боковой стенкой шкафа, а слева его подпирала спинка Роминой кровати. Я думала, что воздух там, в глубине, влажнее и гуще и не дает рассыпаться старухиному пересошему телу, кое-как скрепленному большим блеклым платьем. И еще я думала, что оно блеклое и твердое от проступившей соли: слезы высохли – и осталась только соль. Но почему-то соль никак не справлялась с волосами. Они были неправильные: черные, сплетенные в две толстые косы и подложенные корзиночкой, как у школьницы. Спереди старуха прижимала свои волосы круглой гребенкой, но они выбивались из-под гребенки, из кос. Торчали кверху, будто она только что их рвала, трепала – и перестала, когда услышала, что по веранде идут гости. "Кто там?" – бессмысленно спрашивала она, глядя прямо перед собой и высоко поднимая круглые брови. Она знала, что не тот, кого ей надо.

Почему-то говорили, что меня она любит. В чем заключалась эта любовь? Разве что иногда она улыбалась мне. Я очень боялась этой улыбки. Неправильная улыбка, вся наоборот: она оползала книзу и делала еще глубже две трещины по бокам рта. Казалось, что сейчас эти трещины совсем разойдутся, и подбородок отвалится, рухнет на колени... Лот заплачет над горкой соли и обидится на Бога. Нет, не Лот... Иов! "Да что же ты! – рассердится на старика Бог. – Вон у тебя сколько детей, внуков – в комнате не помещаются, приходится ставить столы на веранде!" – "А Ленечка?" – скажет старик.

Я не понимала. Ну что стоило Богу вернуть старикам этого Ленечку? Ведь говорила же няня, что Сарра родила ребенка совсем старая. Пусть бы Бог пришел в гости к тете Мусе, как пришел когда-то к Сарре. Поел бы холодца, пирожных, послушал бы патефон. И за это родился бы у старухи ее Ленечка. И она перестала бы обижаться на людей за то, что Ленечки нет, а они все живут.

Из всех наших родственников и друзей (я тогда не отличала одних от других) только родители тети Муси пережили войну. Других стариков не было, и поэтому мне казалось, что эти – общие для всех нас. Как корни... Сидят в темноте, на одном месте, а от них уж произошли все взрослые и дети.

Конечно, главный ствол – это тетя Муся и рядом – ее муж, дядя Даниил. Чуть правее – ствол поменьше: тетя Поля, старшая сестра тети Муси, с колючим и вывороченным вбок дядей Фимой. С другой стороны – небольшая, крепкая тетя Тамара ("Тамара-самуила"), стоит сама по себе, а из-за нее выглядывает обиженный дядя Самуил и моргает. А там уже и тетя Аня, и Шура, и тетки из Старороманова, и Полуйка, и какой-то Сущик, и все мы...

Я любила ходить к ним на именины, потому что там всегда было много детей. Были даже совсем большие мальчики. Но они, как только встречались, сразу подмигивали друг другу и куда-то девались. Вот я и не могла запомнить, который из них Миша-самуила, а который – Изя-полин. Была

еще совсем большая девочка, Риночка, тоже "тетиполина", в белом переднике и с бантами. Она садилась к старухе на кровать, и старуха держала ее за руку. Потом – две девочки чуть-чуть старше меня: Фаечка и Лорочка. Но они задавались. Нарочно шушукались и показывали на меня пальцем. Я обижалась. И тоже нарочно думала про них, что у Фаечки веснушки и рот от уха до уха, а у Лорочки короткая шея. И когда она отвечает, как ее зовут, кажется, что у нее яйцо выходит из горла, как у фокусника. Ло-о-ра...

Обижалась я напрасно. Просто они жили совсем рядом и дружили. А мы жили далеко. Нам надо было долго ехать на троллейбусе, потом спускаться через проходной двор, такой крутой, что ноги начинали подпрыгивать и уносить вниз сами собой. Потом оставалось перейти дорогу и постоять у витрины гастронома, пока папа купит торт. А потом дом, еще дом – и деревянный глухой забор. Тяжелая калитка накрепко скрывала от города настоящую дачу, широкую поляну, поросшую низкой курчавой травой, три дорожки, протоптанные от ворот к дверям домиков. Петух разыскивал что-то на клумбе среди двора. Цветы на клумбе были тетимусины. Все каких-то овощных расцветок – и пахли морковкой, подсолнухом, редькой. В виноградной беседке чавкала и хрумкала костями собака Цыган. И дед своим соломенным голосом за что-то отчитывал ее. Нет, не собаку, а мальчишек, потому что Ромка за спиной показывал деду фигу. Папа подкрался и ухватил его за палец. Ромка оглянулся и сказал:

– Смотри, деда, кто идет!

Старик радостно сделал нам навстречу пару шагов. Папа с мамой стали жать ему руку. Меня он поцеловал в лоб и засмеялся.

– Что, поколел? На старости лет так быстро нарастает! – пожаловался он папе. – Пойду, побреюсь, пока люди не собрались.

Папа с мамой ушли за ним в дом. А я застряла на ступеньках веранды: не знала, что делать. С одной стороны, мне давно интересно было посмотреть, бреет ли старик во рту: его седая елочная щетина заворачивалась в темный подвижный провал, похожий на маленькое дупло. С другой стороны – не хотелось заходить в дом. Когда к ним ни зайдешь – у них сын погиб.

– Ну что же ты? – возвратилась за мной мама. – Пойдем, надо поздороваться.

– Здравсьте! – сказала я с порога, но мама дернула меня за руку, и я, краснея, добавила: – Поздравляю вас с именинником! Пусть ваш Рома растет большой, вот такой!

– Ах ты старый нос! Ах ты умница! – зашумели тетя Муся и дядя Даниил и стали нагибаться ко мне, но нагибаться в их комнате было тесно, тетя Муся двинула задом буфет, и там зазвенело. А дядя Даниил толкнул кровать. Он поднял меня на руки, и я оказалась у самого потолка, между его лысиной и желтым абажуром. От абажура шел жар, платье больно врезалось мне в подмышку. А мама далеко внизу говорила старухе:

– Пусть он вам растет здоровый и счастливый и приносит только радость!

– Спасибо! – слабо простонала старуха. – Вы же знаете, какая у нас может быть радость...

Мама неловко понурилась.

– Ну что ты снова начинаешь! Что ты портишь людям настроение! – пророкотала строгим голосом тетя Муся. – Люди пришли повеселиться, мама. Смотри лучше, какая невесточка нам растет! А?

И тетя Муся прямо через стол потянула меня к себе на руки. Я не отрывала взгляда от опасного старухинога рта, хотя и за себя очень беспокоилась. Но все обошлось: старуха чуть раздвинула свою щель – да так и оставила. И я не загорелась от абажура, не обронила на стол туфли, не ударилась о дверной косяк, когда тетя Муся понесла меня на веранду показывать новым гостям. Два тяжелых шара брыкались подо мною.

– Смотри, Фима! Как тебе наша девочка-припевочка?

Дядя Фима моргнул мне большим светлым глазом, потянул Ромку за ухо и сказал ему:

– Ты, рыжий!

– Ну и что, что я рыжий! – уверенно прохихикал Ромка. – Зато у меня самая красивая невеста!

И все стали смеяться.

Ромка на всех именинах говорил то же самое. Я понимала, что так говорить его научила тетя Муся, но уж больно по-хозяйски он смотрел на меня при этом.

Может, это уже решено, и ничего тут не поделаешь: придется идти замуж за рыжего и жить у тети Муси. Ой-ой! Там же и кровать мою поставить негде! Только если среди комнаты, вместо стола. Но как же тогда зимой обедать? А главное... Это она, пока чужая, такая веселая. А на самом деле... Заставит спать днем на улице и все время есть хлеб с луком...

– Муся! Пусти ее, Муся! Пусть побегает с детьми.

– Иди, иди, мамочка.

Она опустила меня на пол.

– Пойдем, – тут же зашептал мне в ухо Ромка. – Мы тебе фасолю покажем.

Они подвели меня к клумбе.

– Вот. Видишь? Она созреет, и мы ее съедим!

Никакой фасоли я не увидела, хотя старательно заглядывала под каждый лист. Впрочем, я ни минуты не сомневалась в том, что все эти георгины, сальвии, настурции будут шинковать, солить, складывать в банки.

Мы постояли. Рома морщил лоб, придумывал, чем еще меня удивить. И наконец придумал.

– Знаешь, что? – склонился он к моему уху и горячо зашептал. – У меня два деньрождения!

– Разве так бывает? – удивилась я.

– Бывает! У меня было деньрождение восьмого июля, а теперь – первого августа!

– Это как старый и новый Новый год?

– Нет. Это потому, что восьмого июля убили папину старую жену и старых детей.

Муне тоже хотелось что-то подобное рассказать, и он очень завидовал Роме.

– Когда я еще был большой и ходил на работу... – начал он придумывать на ходу, – у меня тоже...

– Подождите меня тут, – вдруг насторожился Ромка, краешек левой брови у него приподнялся, а глаз остро зыркнул куда-то в сторону. – Я сейчас. Сбегаю на разведку! – и исчез за сараями.

Мунька тоже забеспокоился, но на разведку не побежал. И я подумала, что не так уж страшно, если я – Ромкина невеста. Ромка смелый. И не совсем рыжий. Мунькиной невестой – вот кем быть действительно стыдно. Губы у Муньки маленькие, как пуговка, и надутые щеки висят с двух сторон, глаза громадные, мокрые – вот-вот разревется. Да еще бант на шее! Нет. Ромка гораздо лучше. Щеки худые, как у мужчины, и рубашка, как у мужчины.

– Бежим! За мной! – закричал он нам издали, и мы побежали. Сердце у меня колотилось и металось от волнения.

За сараями оказалась целая толпа мальчишек, они топали ногами и махали руками во все стороны. "Сюда!" "Скорее!" "Сейчас!"

Ромка держал меня за руку и крался вдоль густо забеленной стены. Он прикладывал палец к губам, а глаза у него были такие отчаянные, что я пересилила свое отвращение и заглянула в серый длинный коридор дворовой уборной. Впервые в жизни. Там не оказалось ничего из тех ужасов, которые я ожидала обнаружить, только из-под обыкновенной двери выползала толстая струя со змеиной головой.

– Атаc! – крикнул кто-то, и все отпрянули, но напряжение не спало, что-то еще должно было произойти.

Дверь хлопнула, и мимо нас проплыла здоровенная тетка в красном халате. За ней тянулся едкий запах хлорки. Тетка, не оглядываясь, ушла, а мальчишки стали по очереди забегать в уборную, и когда выбегали оттуда, громко смеялись и зажимали себе носы.

Потом мы побежали вместе с мальчишками во двор. Тетка уже поднималась на второй этаж по деревянной лестнице, пристроенной к дому снаружи.

Мальчишки прыгали на широко раздвинутых ногах и кричали вразнобой:

– Тетя – Мотя! Подбери – свои – лохмотья!

Ничего другого я не дождалась: тетка себе шла, мальчишки себе кричали. А когда она скрылась за дверью, они собрались в кружок и долго совещались, и шурились, как партизаны. Потом Ромка решительно протопал к своей веранде и громко сказал деду:

– Там Мультманша снова... обгадила всю стенку!

Дед не успел ничего ответить.

– Ты что, дурак ты такой! – набросилась на Ромку тетя Муся. – Люди кушают за столом, а ты говоришь такие вещи!

– Оставь, мама, – добродушно перебил ее дядя Даниил.

А Ромка совсем не испугался, оглянулся и спросил:

– Где моя тарелка?

– Ты иди руки сначала помой, – разом обмякла тетя Муся.

Меня она усадила между собой и дядей Даниилом.

– Что ты будешь кушать, мамуня? – спросила тетя Муся и тут же объявила на весь стол: – Вот вы увидите, у меня она будет кушать!

Чьи бы ни были именины, за столом обязательно обсуждали, как я плохо ем.

– Селедочку будешь?

Я помотала головой.

– О, я знаю, что она будет кушать! Она такое еще никогда не пробовала! Правда, мамуня?

Она положила на мою тарелку какие-то штучки, похожие на сардельки, но толстые, как шарики, и маленькие. Мне вдруг захотелось проткнуть такой шарик вилкой.

Из дырочек вытекли капельки сока, и я их слизнула. Вкус был незнакомый и немного опасный. Но колбаски были маленькие, и казалось, что их нетрудно съесть.

– А-а? Видали?! У меня все дети будут кушать! Вот я дам тебе еще луковичку. С луковичкой все получается вкуснее.

– Оставь, мама, – вступился за меня дядя Даниил. – Утром лук, днем лук, на ночь лук, – стал он добродушно жаловаться гостям. – Хочешь поцеловать ребенка – и нельзя! От него же за километр пахнет!

– Пусть пахнет! – выпрямилась тетя Муся. – И пусть ребенок будет здоровый! Чтоб вы знали: от лука больше пользы, чем от всяких поцелуев.

Ромка оглянулся на гостей, затыкал вилкой по селедочнику и стал запихивать себе в рот луковые колечки – прямо так, без хлеба. Щеки у него криво раздулись, жир потек по остренькому раздвоенному подбородку. Он вдруг резко развернулся и уверенным, каким-то бодливым движением бросился на дядю Даниила и стал целовать его в лицо.

– Оставь! Китель испачкаешь! – притворно рассердился дядя Даниил. А тетя Муся рассмеялась. И смеялась долго-долго. У нее был совершенно особенный смех. Такой... будто кто-то наступил ей ногой на живот! И все гости смеялись. А старику это так нравилось, что он аж привстал. Он ничего не говорил, а только переводил с одного на другого сияющий взгляд.

Я ревниво ждала, когда дойдет очередь моих родителей: не обделит ли он их своей любовью? И с радостью убедилась: нет, не обделил. Всем поровну, всем хватит.

Гости пошли танцевать. Старик поднялся и восхищенно смотрел на них. Рот у него приоткрылся, воздух засвистел, заходил туда и обратно. Никто не замечал, что дед плачет. Я подошла к нему сбоку и обняла за ноги. Он прижал меня к себе, засипел тоненько и сильно, долго целовал меня в голову. И я вдруг подумала, что, наверно, когда-то что-то пропустила, не поняла, а он на самом деле мой дедушка, живой и невредимый, а вовсе не погиб на войне. Наверно, он папа моей мамы. А тетя Муся – мамина сестра: вот они обе какие черные, и глаза у обеих голубые, и прически одинаковые: сзади кудри, а надо лбом – высокий, гладкий валик. Только у тети Муси круглей и выше. Тетя Муся, конечно, старшая, поэтому она гораздо больше мамы. Она больше всех! Когда она идет по веранде с блюдом – дом качается и звенят стекла. А дядя Даниил – еще больше. Но он ходит тихо-тихо, как дирижабль. У него воздух под зеленым кителем. Когда он садится, и расстегивает воротничок, и говорит "Уф-ф..." – воздух немножко выходит. И всегда страшно, как бы он по оплошности совсем не сдулся.

– Уф-ф, мама, жарко!

– Я же тебе говорила, надень рубашку. Но ты же упрямый. А теперь ты согрелся, пропотел...

Я не любила, когда дядя Даниил ходил в рубашке. Почему-то сразу становилось заметнее, что голова у него лысая, как розовое яйцо, нос толстый, на виске яма, глаза смотрят по-разному. Правда,

в этом растекающемся взгляде было что-то милое, дважды ласковое. А рот у него был небольшой и открывался не до конца, чуть-чуть набок, как будто дядя Даниил стесняется говорить.

Мне нравилось слушать о том, как он женился на тете Мусе. Это на всех именинах рассказывала тетя Поля. Начинала с того, как он подошел к забору и долго стоял, ждал, когда тетя Поля обратит на него внимание, а она все хлопотала, нарочно не поднимала на него глаз.

– Чужой человек! Только вчера часть вошла в город! Но я же вижу, что он у меня хочет что-то спросить. Я не выдержала и говорю: "Мужчина! Какое у вас ко мне дело?" А он мне отвечает: "Скажите, эта высокая интересная женщина – ваша сестра?" Я говорю: "Да. А что такое?" – "Передайте ей, что, если она не против, я бы с удовольствием на ней женился". Я говорю: "Ничего себе! Разве это так делается? Вы с ней даже словом не успели обменяться! А, может, вы познакомитесь и увидите, что она вам не подходит?" А он говорит: "Я вижу, что она мне подходит. А ухаживать у меня нету времени: наш полк через два дня отправляют дальше". Хорошо. Я иду к Мусе и думаю, что она меня поднимет на смех. А она мне отвечает: "Пойди и скажи ему: ладно, хорошо". Ну? Как вам нравится?

– Да-а.

– Судьба!

– Нет, вы слушайте главное! – перекрыла общий шум тетя Поля. – Вы говорите: судьба. Так я вам еще скажу! Мы туда совершенно случайно попали! Нам нечего было там делать, в Старороманове, мы ехали с эвакуации, и папа решил, что сначала надо заехать на родину. Вот так бывает в жизни. Ты думаешь: это случайность, просто-таки глупость, а это – судьба!

– Папа всегда знал, что он делает! – тетя Муся аж сощурилась от справедливости. – Папа всегда делает правильно!

– Что я знал! Что я знал! – внезапно огорчился дед. – Я даже с этим домом сделал все наоборот! Если бы я был послушался Макара Васильевича... Макар Васильевич говорил мне, дураку: "Сначала выкупи у нее сарай, а потом будешь его обкладывать и штукатурить". Я ей сделал дом из сарая, а она повисила мне квартплату!

– Зато, папа, мы зимой уже жили в тепле и не видели небо через дырки! И никто не простудился!

– Это да! – утешился старик.

– И давайте не будем говорить о таких вещах, папа, продолжила тетя Муся. – Люди пришли погулять, повеселиться...

– Правильно! – поддержала тетя Поля. – Сейчас мы устроим концерт! Становитесь, дети, в круг!

Мы взялись за руки и стали водить хоровод вокруг Ромы.

Как на Ромины

И-ме-нины

Испекли мы

Ка-ра-вай...

Тетя Поля пела громче всех. Она приседала вместе с нами, вместе с нами становилась на цыпочки.

Вот та-а-кой

Вы-ши-ны-ы

Вместе с нами захлопала в ладоши, да так, что тюкнуло в ушах.

Ка-ра-вай!

Ка-ра-вай!

Ка-во любишь –

Вы-би-рай!

Рома медленно заговорил, лукаво поглядывая на нас по очереди:

Я-лю-блю-ка-неч-но-всех...

Мне вдруг стало очень страшно, что он выберет не меня, а кого-нибудь другого. Сердце в груди заметалось, заколотилось от невыносимого ожидания...

Но-вот-эту...

Больше всех!

И он ткнул в меня пальцем, туда, где стучало всего сильнее.

Я стала на место Ромы, и хоровод двинулся вокруг меня.

Теперь я должна была кого-то выбрать. Лица плыли мимо, сменяли друг друга, и на всех было одно и то же выражение: каждый ждал и надеялся, что я выберу именно его. Это был какой-то сплошной умоляющий взгляд... он винтом потянул меня за собой и вниз...

– Ничего-ничего! – тетя Поля подняла меня и отряхнула пыль с платья и трусов. – У нее головка закружилась. Прошло?

– Прошло, – кивнула я, не спеша освободиться из ее рук.

– Ну что делать? Ее везде укачивает, – пожаловалась мама. – Я уже не говорю о качелях или такси. У нее закружилась голова в "комнате смеха"...

– Не беда!

– Ничего! Перерастет! – стали успокаивать маму гости.

И тут же выдвинули стул и поставили на него Ромку.

– Бабушка Маланья! – затараторил он. – Кто ее не знает! В маленькой избушке! Век свой доживает!..

Потом Мунька еле слышно пробубнил "День седьмого ноября". Потом меня заставили рассказать "Сказку о царе Салтане". Она показалась мне длиннее, чем всегда. Чтобы не скучать, я думала о своем: не стыдно ли Муньке среди лета читать про седьмое ноября; не обиделась ли тетя Поля за то, что дядя Даниил не ее позвал замуж...

Потом все огорчились, что Риночка не может сыграть сонатину Бетховена.

– Жалко, что нет пианино, – сокрушалась тетя Поля и оглядывала веранду, будто надеялась его обнаружить где-нибудь в углу. – Она играет – как лауреат! Может, ты хоть споешь "Пионерскую песенку"?

Риночка замотала головой. А на стул, вырываясь из рук тети Поли, полез Митенька, и Тамара-самуила заранее прикрыла губы рукой. Рот у Митеньки был еще меньше, чем у Муньки, а щеки надутые, как пузо.

– "Мужичок-с-ноготок" – объявила за него тетя Поля.

На! Дё! Зи! По!

Я! И! Вы! Си! Ро!..

Жу! Ма...

Женщины стали собирать тарелки, чтобы незаметно отсмеяться в сторонке.

– Ничего, – сказала тетя Поля, когда он, наконец, закончил. – Вот я на будущий год куплю Фаечке скрипку, а Митеньке – велиончель. У меня будет форменная филармония!

– Ты, Ойстрах! – дядя Фима потянул Митеньку за треугольный гребешок на макушке. – Будешь играть на велиончель?

– Н-не, – терпеливо прокряхтел Митенька.

– Ну, все! Концерт окончен! Где же твое "полено", Муся? Мне уже надоело слышать про "полено"! Я уже хочу его видеть!

– Подожди, Фима, – вмешалась тетя Поля. – Люди только что поели, надо отдохнуть. Пойди приляг пока. Мы сейчас чай поставим.

– А что такое "полено"? – не удержалась я. Вообще-то я избегала обращаться к тетиполиному дяде Фиме. Меня пугал его пристальный взгляд. Прямо в глаза. Так не смотрят на маленьких девочек.

– Ты не знаешь, что такое полено? Это такое, как папа печку топит. Сейчас мы заставим тебя его скушать.

Веранда опустела. Тетя Муся с дядей Даниилом ушли в погреб, а гости разбрелись кто куда. Я знала, что мама сидит в комнате со старухой. И говорят, конечно, о Митеньке. Старуха волнуется, что он до сих пор толком не разговаривает. "Она его, наверно, повредила! Я же ей говорила: Поля, или иди к врачу – или рожай, а сама не трогай. Но она подружек послушалась, дала им парить себя утюгом..."

Я решила, что пойду к папе. Там тоже было все известно заранее. Сидят в комнате Самуила, курят, курят и говорят про войну. Мужчины всегда про войну. Я этого не любила, но мне захотелось посмотреть на чашки. Они стояли на буфете, очень красивые, с царицами и всадниками. Да и Ромка с Мунькой вроде бы отправились туда. Чесать дяде Фиме спину.

Я разделила руками плюшевые портьеры и заглянула. Мальчишек там не оказалось, но дядя Фима – да, лежал на диване. А рядом с ним сидел папа. Папа поманил меня и показал на свое колено. Я села. А они продолжали говорить о своем.

– Она была русская. – Дядя Фима мечтательно перевернулся на спину. – Если бы не война, я мог бы только мечтать о такой женщине. Даже интереснее, чем Тамара-самуила! Высокая. Блондинка. Моей Поли рядом с ней было бы не видно... Но ты же понимаешь... Поля мне такие письма писала... Потом – дети. Оставить Риночку без отца... А Изька точно стал бы бандитом. Он и так бандит высшей марки. Пусть уже кончит как-нибудь семь классов, будем учить его ремеслу. Да. Так я не об этом. Понимаешь, я ее не обманывал. Я ей сразу сказал, что семью не оставлю.

Он смотрел в потолок и улыбался. Я тоже посмотрела туда, но там ничего не было.

– Она говорила, что хочет от меня ребенка, чтобы он был похож на меня, но я на это не пошел. Если бы еще ребенок родился, я бы уже точно не выдержал. Ты бы видел ее!

Я с недоумением рассматривала бледное лицо дяди Фимы и радовалась, что у той необыкновенной женщины не родился ребенок с таким большим тонким носом и наглыми, как у уличного мальчишки, глазами. И еще этот чубчик, зачесанный набок...

– Я сам после госпиталя попросился в другую часть...

– Конечно, ты благородно поступил, – похвалил папа. – Это мало кто был на такое способен. Не каждый хотел считаться, что есть жена, дети...

– Да как тебе сказать... – дядя Фима мелко наморщил половину лба. – Тут многие и ошиблись. Это пока женщина одинокая, она не смотрит, что ты ее ниже на полголовы во всех отношениях. Когда она с тобой два-три года поживет, постирает твои носки, она начинает обижаться, что ты храпишь, зубы ковыряешь...

Он добавил что-то по-еврейски, и папа так и покраснел, так и подавился от смеха.

– Зачем далеко искать? – продолжал дядя Фима, не давая папе досмеяться. – Тамара-самуила...

– Я-таки никогда не понимал, как это она вышла за него.

– Что ты не понимаешь? На фронте он был – герой! Король!

– Кто? Самуил?? – не поверил папа.

– Ну да! Он же был классный сапер! Его посылали на самые ответственные места. Ты что думаешь: он свои награды на толкучке купил? У него же руки – как... каменные! И это все – дед. Дед его с детства муштровал. Он бы мог быть хирургом. Ты видел когда-нибудь, как он без линейки рисует свой бордю?

– Вообще у них у всех способные руки, – сказал папа.

– Да-а. Причем к любой работе. Вот это все делала моя Поля. – Дядя Фима, не глядя, ткнул пальцем в сторону стены, обвешанной большими и маленькими тарелками. – Она уже фотокерамику делает лучше, чем я.

Папа спустил меня на пол и пошел рассматривать тарелки. Точно такие же висели у тети Муси над кроватями. Изя и Миша. Риночка с косой через плечо. Фаечка с тремя бантами и длинной, как веревка, улыбкой. Риночка за пианино...

Я подумала, что у себя дома повесила бы только Риночку. И то если ее разукрасить. Что мне действительно нравилось – так это черные птицы.

– А этих птиц тоже сделала ваша тетя Поля?

– Нет. Это Тамара-самуила из Германии привезла. Ромка! Мунька! – вдруг рявкнул он.

Я тоже заметила, как двинулась бордовая портьера.

– Что вы там прячетесь, дезертиры? Ну-ка!

Мальчики выскочили, затопали к нему по-военному, с рукой у виска.

– Давай с нами! – чиркнул на меня коричневыми глазами Ромка. – Он на Первое мая заплатил мне целый рубль!

Я постояла, посмотрела, как мальчишки чешут дяде Фиме спину, но коснуться его не решилась. Он противно кряхтел:

– Левее-левее... Ото-то-то-то! Правее-правее... Ото-то-то-то!

В комнате стояла густая красная темнота. Абажур под потолком светил совсем скучно... Он дал им серебряные монетки, а рубля не дал. Я решила вернуться на веранду.

Там оказалось намного светлее, но зато было видно, как совсем почернел ночной воздух и надавил на все стекла – вот-вот хрустнут, и чернота хлынет в дом, как чернила. Белесые бабочки суежливо грелись у голой лампы, пачкая ее серебристой пудрой.

Женщины что-то резали и разливали на тетимусином столе. Тетя Муся сильно терла полотенцем цветастый громадный чайник. Грудь ее трясилась, как два мяча за пазухой, и слова подпрыгивали им в такт.

– Пусть себе будет здоровый и счастливый, мне до него нет никакого дела.

– Такой дурак! – закачалась старая Полуйка. – Я встретила в городе Бетю, так она мне прямо сказала: "С тех пор, как он развелся с Мусей, он еще ни разу не ел хорошего обеда". Так ему и надо, раз не умел ценить. Я поняла, что говорят об инженере. Я знала, что когда-то давно-давно было такое время – "довойна". И там у тети Муси остался какой-то "инженер".

– А что такое? – с подчеркнутым безразличием повела широкими плечами тетя Муся. – Значит, человеку не важно иметь хороший обед. Может, ему диплом лучше, чем хороший обед. Я что – имею к нему претензии? Он сам по себе, я сама по себе. Что у меня – не с кем слово сказать? Или я одинокая? Или моих детей некому кормить?

И все загомонили:

– Такой муж!

– Такой Даниил!

– Это золото, а не человек!

– Если бы не ранение, он был бы даже внешне интереснее в сто раз!

– Ранение? – ревниво перебила тетя Муся. – Чтоб вы знали, что мне этот глаз, что не видит, дороже, чем Яша вместе со своими здоровыми глазами и дипломами! Был бы он на коленях передо мной просился назад, я бы не поменяла его на Данечкину на эту дырку, что у него на лбу!

Женщины согласно закивали и гуськом двинулись к столу с посудой и пирогами.

– Идемте чай пить! – позвала тетя Муся и постучала пальцем по стеклу. Маленькие оранжевые огоньки задвигались в темноте ночи и потянулись к двери веранды. Запахло папиросным дымом. Затопали по ступеням ботинки.

– Какая чудная погода!

Тетя Муся подтянула меня за подмышки и усадила рядом с Ромкой и Мунькой.

– Налить вам сначала компотик?

– Мне полено! – потребовал Ромка.

– А где полено? – не поняла я.

– Да вот же! – Ромка ткнул пальцем в кусок желтого пирога на моей тарелке.

Я была разочарована, но на всякий случай надкусила свою порцию. Это было очень сладко и жирно, обыкновенный торт, только как-то хитро скрученный. Я держала его за щекой и не решалась ни проглотить, ни выплюнуть.

– Какая прелесть! – восхищались все за столом.

– Только Муся способна сделать такое! – перекикивала всех Тамара-полуйкина. – Мусенька! Умоляю вас: дайте мне рецепт! Если вы не скрываете.

– Чего мне скрывать? – расцвела тетя Муся. – Что мне – хуже будет, если вы тоже спечете такое? Мне только лучше! Я приду к вам и буду кушать у вас "полено"!

И она стала рассказывать, как делается "полено", и все сошлись на том, что это страшная возня.

– А ну-ка, доедай! – раздалось над моей головой. – У нас не оставляют!

– Тетя Тамара тоже не доела, – прошамкала я залепленным ртом.

– Тетя Тамара – совсем другое дело! – развеселилась тетя Муся. – Видишь: у нее уже полный животик, туда больше не влезает.

Я посмотрела и вздрогнула от отвращения. Тамара-самуила как раз поднялась из-за стола, чтобы пойти танцевать с дядей Фимой. Круглый живот ее сильно выступал вперед, так что даже юбка спереди получалась короче, чем сзади. Дядя Фима положил ей руку на толстый бок, а она свою положила ему на плечо. Две другие руки, сцепленные напоподобие носа корабля, они выставили далеко в сторону и так двинулись, поплыли по веранде витками...

Ти-и-хо кати-и-л

Свои-во-о-ды Аму-у-р...

Дядя Фима смотрел ей прямо в лицо светящимися от бесстыдства серыми глазами. А она опустила веки, старательно и строго напрягла губы, будто отстраняясь от дяди Фимы этими вишневыми губами. Высокая прическа мелкими крутыми волнами громоздилась надо лбом. И мрачное черное платье с туманными цветами, взвиваясь, становилось прозрачным, и широкое кружево просвечивало из-под него.

Во всем этом было что-то очень неправильное, и я поискала глазами тетю Полю. Оказалось, что она танцует с моим папой. Они танцевали правильно: тетя Поля смотрела серьезно вбок, а папа вперед, поверх ее головы. Точно так же танцевала моя мама с дядей Даниилом. У мамы тоже противно торчал живот, и тоже затягивало кверху юбку. Еще хуже выглядела тетя Муся: будто громадный глобус был спрятан у нее под платьем и не давал маленькому Сущику приблизиться к ней, достать рукой до ее широкой талии. Сущик уважительно поддерживал тяжелый локоть тети Муси. А страшнее всех казалась старая Полуйка, она даже сесть ровно не могла, откинулась на спинку стула и обмахивалась газетой то слева, то справа. Видно, Полуйка съела больше всех.

Водянка, – думает старик. – Кто знает, доживет ли Полуйка до следующего года. Кто знает, что вообще будет в следующем году... Может, и его уже не будет. И его старухи. Он бы только хотел увидеть молодняк, этих цыплят, которые вот-вот должны проклюнуться. Еще двое внуков! И третий, Симин, тоже ему будет почти как внук. Сима ему тоже не чужая. А если, даст Бог, еще и детей поженят, тогда уж совсем станут родственниками. Он хотел бы это увидеть своими глазами. Вот будет парочка! Но до этого он уж точно не доживет. Он мог бы еще продержаться до Риночкиной свадьбы. Риночка не засидится, такая голубка милая! Фаечка хуже. И надо же, чтобы так не повезло: взяла от отца и от матери самое плохое. Глаза, как у Поли, маленькие, а нос отцовский, Фимкин нос. Ну и ничего. Даст Бог, и с этим носом хорошо успеет. Все устроятся в жизни. Вот Митенька его волнует. Конечно, разговаривать он будет не хуже других... Его бы учить потихоньку ремеслу, так ведь Поля точно не даст ребенку покоя, заставит его кончать десять классов. И еще придумала виолончель. Зачем виолончель, почему виолончель? Скрипочка – это еще ничего. Пусть бы даже все играли на скрипочках. Стали бы в рядок...

Напрасно он столько пил. Хоть бы обошлось. А то еще умрет первого августа, и ребенку снова перенесут рождение. Старик горестно качает головой. Нет, он за жизнь не держится. Но так хочется заглянуть вперед, в завтрашний день...

Старик ищет локтями пустое место на столе, сжимает ладонями лоб. И кажется, что ему уже все известно про завтрашний день. Как старуха наденет платье, возьмет мужнину клюку и ответит Мишу к урологу, и с этого дня он перестанет мочить постель. Как придет письмо из Нью-Йорка от старших братьев старика, о которых он сорок лет ничего не слышал и поминал на судный день с покойниками. И вскоре они приедут все трое, моложавые и бодренькие. С подарками, с полным приданым для

новорожденных внуков. Тетя Муся закатит пир, о котором они долго будут рассказывать у себя в Америке: и колбаски, и полено, и начиненный гусь, и синенькие по особому рецепту, и новый салат, которого еще никто не делал – "оливэ"... Всего не перечислишь. И это при том, что помочь ей будет некому и настроение будет самое неподходящее: с Тamarой-самуила при родах случится инсульт. Муся заберет ее мальчика из роддома, благо молока ее хватило бы и на четверых. А сил хватит и на пеленки, и на морсы для Тamarы, и на прием дорогих гостей. Старички сходят в больницу к Тamarе. И долго будут рассказывать у себя в Америке о том, какая это была плохая больница и какая красавица была покойная Тaмaрa. Тaмaрa умрет через день после их посещения, и они закажут ей венок из живых цветов. Мальчика Тamarы назовут в ее честь Тимуром, а тетимусину дочку – Аделиной, в честь возлюбленной Фанфана-Тюльпана. Будет она беленькая и голубоглазая, совсем не похожая на прекрасную цыганку. Но имя Аделина, массивное и без талии, подойдет ей куда больше, чем Джине Лоллобриджиде.

Что еще успеет увидеть старик... Фаечке купят скрипку, Митеньке – виолончель. Их обоих отдадут в музыкальную школу. Риночка же бросит музыку. Она поступит в гидромелиоративный техникум и там познакомится со своим будущим мужем. Абрама Полуйко посадят в тюрьму на восемь лет. А у Симы родится девочка – и все будут говорить, что она еще лучше, чем старшая.

Мы долго прощались на пороге. Потом все двинулись вниз, по лестнице, в пугающую темноту.

– Ты чего дрожишь? – спросил папа и взял меня за руку.

Ночь вблизи оказалась такой же прозрачной и многоцветной, как платье Тamarы. Город за калиткой спал. Машины уже не ездили, и мы в тишине пошли прямо по середине мостовой. Темная зелень деревьев растворялась высоко в черном небе. Возле старого каштана меня вырвало. Все стояли поодаль и смотрели. А Митенька подошел совсем близко и даже присел, чтобы лучше видеть.

– Ничего-ничего, – повторяла мама. – Все было свежее, хорошее. Просто она переела.

– Не надо было заставлять ребенка есть через силу, – сказал дядя Фима, и я впервые увидела в нем сочувствие взрослого.

– Ты не знаешь мою сестру, как она на это смотрит, – подсадовала тетя Поля. – Скажи ей что-то – так она обидится. Я вообще противник домашней колбасы!

– Муся любит возиться, – примирительно прошамкала старая Полуйка.

– Просто у нее нет других забот, – вздохнула тетя Поля. – Если бы она отработала день, как я, ей бы уже не захотелось возиться с "поленом". По-моему, магазинный торт даже лучше, правда, Симочка? – тетя Поля взяла маму под руку. Мы как раз подошли к перекрестку, где они сворачивали к своему дому. – Может, зайдете к нам хоть на минуточку? Вы никогда у нас не бываете.

– Н-нет, Поленька, мы бы с удовольствием, но, видите, ребенок устал.

– Зайдите, зайдите! – заканючили Риночка и Фаечка. И даже Изя что-то пробубнил.

Я очень боялась, что родители согласятся. Ромка такие ужасы рассказывал об их доме! Будто там среди комнаты – колодец, а за красной занавеской – мертвецы.

Полуйки тоже не захотели к ним идти. Видно, обиделись на дядю Фиму: когда он ушел далеко, Полуйка стал его ругать.

– Как вам нравится! Нашелся мне честный! Весь вечер он мне намекал про "гешефты"! Фима думает, что его покойники – это не гешефты! Все у него шахер-махеры, а у самого полный дом покойников без квитанций!

Я слушала и заходила от ужаса: вот в какое место меня хотели позвать! Я старалась не думать об этом, но как было не думать? Несчастные Фаечка с Митенькой, бедная Риночка – что с ними сейчас? Как они ложатся спать в таком страшном месте... И все мерещилась детская кроватка, затертая среди гробов.

Мы шли вверх по бульвару. Папа взял меня на руки и сказал: "Попробуй заснуть". Я зажмурила глаза. Спать не хотелось. Папины шаги были равномерны, и казалось, что так нам теперь идти, идти – и никогда не дойти до дому. Вдруг я почувствовала, что у меня есть душа, что душа эта держится в

теле не крепко и рвется к черному небу, как воздушный шарик на короткой ниточке. Я испугалась и зацарапала по папиному пиджаку, а папа будто понял что-то и сильнее прижал меня к себе.

2. Свадьба

Поля осторожно ступает по сморщенному половику. Старые паркетины под ее ногами выскрипывают затейливую, протяжную мелодию. Особенно громко – под дверьми соседей. Почему они не скрипят так сильно днем? Наверно, потому, что днем она ступает смело, а не крадется на цыпочках. Вот и дверь было бы лучше отворить сразу, одним движением. Так она и не покрасила эту дверь...

Поля сваливает кур на свой столик. Уже давно рассвело, но в кухне стоят сумерки с редкими солнечными пятнышками на стенах. Наверное, прав Казик: пора срубить старый тополь под окном. Впрочем, ей теперь все равно. Поля поддевает шпингалет кончиком швабры. Створки отходят во двор, шуршит потревоженная листва. Поля вдыхает нежнейший запах раннего утра. Ей не мешает даже легкий ветерок со стороны мусорника.

Она зажигает конфорку и подставляет под огонь жалкую куриную подмышку. Невыщипанные волосы чернеют, потрескивают, редкие искорки срываются кверху, блуждают в горячем воздухе. Как бы не прожечь дырку в новом халате. Ну да все равно. Кому нужен ее халат!

Поле чуть-чуть не по себе. Она только-только взялась за работу, но чувствует, что скоро устанет. Скорее бы пришла Муся! Еще вчера Поля надеялась, что справится без сестры, но она не рассчитала свои силы. Столько гостей в доме! Всех накорми, всем удели внимание. А главное – Митенькин профессор. И что это Мите вздумалось! Привезти на свадьбу сестры постороннего человека! И какого человека! Конечно, принимать Иннокентия Львовича для Поли большая честь, но... Она не знает, как сказать и как повернуться, все время боится опозорить Митеньку. И Фима все делает назло. А тут еще родня соберется. Нет, она не стыдится своей родни. Но как подумаешь, что придет Муся и начнет трещать, как она умеет... Впрочем, пусть бы уже пришла.

Поля сметает на ладонь обрезки, пеньки и несет к помойному ведру. Зачем ждать, пока на столе наберется гора гадости? Около ведра замерли два больших рыжих таракана. Ну вот. Сколько раз она просила: давайте сделаем дезинфекцию! Так они надумали именно сейчас, перед свадьбой – чтобы пьяные тараканы выползали под ноги гостям!

Да. Так и не пришлось ей пожить без соседей... Поля рада, что на этот раз не помирилась с Казиком. Когда Изенька женился – помирилась, позвала их на свадьбу. Когда Риночку выдала замуж – тоже не стали считаться. А теперь – всё. После того, что произошло... Она никогда не была злопамятной, но на этот раз – пусть уж ее Бог простит. Надо же, чтобы проклятье сбылось так дословно! И именно в том месте, куда он ее ударил. Но Поля не даст Казику порадоваться, он ничего не узнает! Когда ее оперировали, Казику сказали, что она поехала на курорт, а теперь пусть думает, что она уехала в Израиль.

Скоро, скоро она уедет "в Израиль"... Вот уже и зрение начало отказывать. Ей известно, что это означает, насмотрелась в больнице... В больницу она больше не пойдет. Хватит ее резать, хватит ее облучать. Поля так и скажет Фиме: "не надо ждать год". Если попадется хорошая женщина, пусть женится хоть через неделю и ни о чем не думает. Только попросит, чтобы не поступал, как Самуил. Как он мог отдать сервиз, который покойная Тамара с фронта привезла, сыну чужой женщины! Он с ней еще и года не прожил! На сервиз только Мунечка и Тимурчик имели право!

Поля в досаде отхватывает край куриного зада. Что это за перо такое – никогда его не вытянешь чисто!

Нет, Поля уж позаботится о том, чтобы ее детей не обобрали. Мужчины все одинаковы. Не успеет новая жена переступить порог – он уже спешит отдать ей вожжи: на, делай, что хочешь, пускай по ветру все нажитое за тридцать восемь лет. Да. Далеко ей до золотой свадьбы. И папа с мамой не дожили до золотой свадьбы. Папа и не жалел. Как он говорил: "я все успел сделать в жизни". Она тоже все сделала. Почти все. Если бы ей увидеть еще Митенькину жену – она бы считала

себя счастливой. Может, напрасно она отговорила Митеньку от той девушки. Главное, все подумали, будто Поля не захотела русскую. А что было делать? Показывать всем это письмо? Раз человек попросил молчать, Поля умрет, но не проболтается. Пусть о ней думают, что хотят. А она, может, предпочла бы русскую невестку. Записали бы детей русскими – и все, кончились бы эти волнения с институтами, с работой. Хорошо, что Митенька оказался таким талантом, Поля с ним горя не знала. А что она пережила, когда Фаечка поступала в училище! Поля сразу поняла, что дела не будет: тройка по сольфеджио – это же курам на смех! Как раз по сольфеджио Фаечка все годы лучшая была. Она все сдавала лучше, чем Митенька. Кроме специальности, конечно. Тут их с Митенькой и сравнивать нельзя. Поля не сразу разобралась во всем этом, но уж когда дело дошло до консерватории, она им в лоб сказала: или берите обоих, или я Митю увожу в Москву. И взяли как миленькие. Правда, Фаечку на заочное отделение, но для девочки это даже лучше. Виртуоза из нее не будет, но диплом она получит. Сейчас без диплома нельзя. Если бы у Риночки был диплом, она бы не пошла работать в магазин, и у Додика не было бы повода к ней придирааться. Да и кто отдал бы тогда Риночку за Додика? Как жалко, что они позволили ей бросить музыкальную школу! Митенька тоже не хотел играть. Его два раза собирались отчислить, и у Поли у самой уже не было терпения стоять над ним с палкой. Спасибо, отговорила Мира Исаковна! Что значит хороший учитель! Жалко, что она не дождала, не увидела, как он играл в большом концертном зале! А папа с мамой...

Поля вытирает о плечо набежавшие слезы. Когда в Полиной жизни происходит что-то действительно хорошее, у нее всегда разрывается сердце за родителей: не дожили, не видят. Вот и сегодня могли бы сидеть во главе стола. Ведь старая Полулька была намного старше мамы – и ничего. Еще рюмку выпить может.

Медная ручка на двери задергалась, застучали мягкие лапки.

– Сейчас! Сейчас!

Поля бросается вытирать руки, но Фима опережает ее, раскрывает дверь из коридора.

– Заходи, заходи. Вот твоя баба. Бабу ищет, Сонька-засонька.

Он подхватывает Сонечку под мышки и, высоко подняв перед собой, тащит к жене.

– На, баба, откуси кусочек булочки. А дед тут откусит, от попки. Ам!

– Оставь, Фима! Ты забыл, что ночью пил валерьянку? Еще уронишь! – сердится Поля, но не может удержаться и громко, жадно целует белое пушистое тельце. – Вылитая Риночка, да, Фима?

– Что-то есть, – соглашается он, трезво щуря глаз.

"Что-то есть, – повторяет он про себя, – но до Риночки далеко, как до неба. Такие, как Риночка, получают редко".

– Вот она на кого похожа.

Поля оборачивается и видит старшую внучку. Такая же пышечка, с такими же голубыми глазками, по-щенячьи оттянутыми книзу, и длинными каштановыми волосиками. Она чего-то ищет сонным взглядом по кухне, на ходу поправляет режущие сзади трусики.

– Иди сюда, иди, моя киця, я хочу тебя поцеловать.

Милочка не спеша направляется к бабушке и подставляет щечку. Поля целует. В шейку, в голую грудку. Это ее любимая внучка, и Поле обидно, что все предпочитают Сонечку. Всегда больше любят маленьких.

– Идите оденьтесь, – говорит Поля, – а я вам пока поджарю куриные печеночки. Будете кушать куриные печеночки?

– Будем! – радостно хлопает в ладоши Милочка. И Сонечка за ней – будем! будем! – и тоже хлопает и подпрыгивает неловко.

– По коридору ходите тихо. Может, кто-то еще спит.

– Раскормили вы их, – мотает нечесаной головой Фима, глядя, как две белые фигурки растворяются в коричневой тьме коридора.

Поля чуть не обожглась: поднесла спичку не к той конфорке. Конечно, встала в полшестого... И помощников что-то не видно до сих пор. Надо ему как-то подключиться...

Фима раздумчиво скребет рукой безволосую грудь. Ему бы только позавтракать сначала. Как назло, с утра грызет язва. А Поля и не думает о нем. Вот она жарит печенки детям... Трудно, что ли, кинуть на сковородку еще пару штук? Так будет гостям не пятьдесят, а сорок восемь печенок. Но для

нее сейчас главное Файка и Файкина свадьба. Что-то они там темнят, крутят... Наверное, у Поли есть какие-то тайные книжки, и она их переписывает на Файку. Это все хорошо, пусть. Файка из всех четверых самая умная. Она будет знать, что делать с деньгами. Изька и так прилично зарабатывает. Дай ему больше – он какую-нибудь дурость выкинет, этот гешефтмахер. Если вообще в тюрьму не сядет. Риночку ее придурок оберет. Ему сколько ни дашь – все мало. Требуется и требуется, наглая его морда. Как будто он красавец писанный и женился ради денег на горбатой.

От мрачных мыслей у Фимы все сильнее сверлит в желудке. Главное – сам виноват. С первого дня видел, что этот Додик – дерьмо на палочке, а не человек. Раз в жизни надо было вмешаться. Ну да ладно! Он не нарушит свое правило. Пусть каждый делает, что хочет, и никогда не скажет ему: "Папа, это ты мне плохо подсказал. Это все из-за тебя, папа". И к тому же – как-то ему все... не то чтобы безразлично... а вроде нет сил. Еще в сорок пятом, когда он ехал с войны – живой, и награды брякали под шинелью! – он удивлялся, что не испытывает никакой радости. Он тогда вышел из поезда и заплакал. От вокзала был виден весь разрушенный город. Фиме показалось, что внутри у него все вот так же разрушено, что ему восемьдесят лет. Думал: это усталость, пройдет со временем. И ничего не прошло. Может, потому, что он сразу же попал на эту работу, связался с кладбищем, с покойниками... Эти гоише похороны, тринадцать на восемнадцать, цветные портретики на керамических овалах... А как бы он иначе прокормил четверых детей? И неплохо кормил. Они и сейчас без него шагу не ступят. Тому сапоги, тому пальто, тому новый объектив. Смешно. Фима всю жизнь проработал с одним объективом – и ничего, нормально, а Изька все ищет себе какую-то особую технику. Только особых результатов что-то не видать. А! И то хорошо, что не сделался каким-нибудь ворюгой, с него бы стало.

Почему-то Фима чувствует себя виноватым перед старшим сыном. Не так он к нему относится, как должен относиться отец. Нет-нет – и выставит на смех. Да еще при его ведьмочке. И зачем это Поля их снова помирила? Как ей это удалось? Наверно, плакала. Да, слезы – сильное оружие. Особенно когда плачет человек, которому жить осталось... А Рина и без Полиных слез была готова помириться со своим придурком. Ради детей. Да и ей было плохо одной. Покойная старуха все причитала: "Такая красивая девочка! А счастья ей не будет!" Вот все и обрадовались, когда этот выродец сделал ей предложение. А спрашивается: зачем было в восемнадцать лет замуж выходить, петлю себе цеплять на шею? И еще с камнем. Что в нем было? Красота? Ум? Первый подвернулся – и она пошла, как покорная лошадка.

У Фимы сердце переворачивается от жалости и любви. Именно эта покорность – в каждом движении, в каждом взгляде – ему мила до боли. И за что этому ничтожеству такая жена, такая удача? Ему бы Изькину Бэлку. Чтобы она ему, как Изьке, рога наставляла. Вся голова в рогах! Как каштан! Может, он бы меньше бесился. Почему жизнь всегда клюет невинного, а виноватому хоть бы хны! Нет, Фима не осуждает невестку. Она сучка породистая, Изька ей не годится. Дура, что вышла за него, дура, что сейчас помирилась. Зачем он ей нужен? Как ширма? Конечно, для Фимы так лучше: теперь он сможет видеть внуков. Уже сегодня увидит. Потерпеть еще часа два-три. Да, но с завтраком он уже терпеть не может.

– Слушай, Поля, я не гость, но, может, меня тоже надо кормить?

– Фимочка, ты же видишь, как я закутилась, – виновато умоляет Поля. – Неужели ты сам не можешь взять?

– Где я могу взять, когда ты возле холодильника положила Митькиного профессора?

– Тс-с! – пугается Поля. – Что ты так громко? А если услышит?

– Что я такого сказал, что ему нельзя слышать?

– Фима! Он интеллигентный человек. А ты ходишь по дому в майке. Сделай мне одолжение: оденься прилично. Ты будешь пить кефир? Тогда я зайду к Вере Ивановне: у нее в холодильнике стоит наш кефир. Они уже ходят, по-моему.

– Давай кефир, давай, что есть.

Фима готов добавить пару слов про свою язву, но удерживает себя. Дурацкая привычка! Всю жизнь пугал ее этой язвой. А теперь... Что теперь его язва? Мелочь, о которой и говорить смешно... Насморк, прыщ. Фиме вдруг становится обидно за свою язву, как за живое существо.

Кто-то резко и долго звонит. Фима не трогается с места. Ждет, пока без него откроют. Интересно, кто это? Может, девочки вернулись из парикмахерской? По тяжелому топоту он определяет Мусю.

– Ты знаешь, чего я так поздно? – рокошет на всю квартиру Муся. – Я зашла на базар и набрала свежую зелень.

В одной руке у нее раздутая сумка, в другой – пучок редиса, громадный, тугой, как коровье вымя.

– Ой, Муся! У меня полно редиски! Я вчера купила на овощном базаре возле нас.

– Посмотри, Поля! – Муся протягивает сестре пучок. – Разве эта не лучше? Я еще не видела твою редиску, но знаю, что эта – лучше.

– Лучше, – соглашается Поля, – но куда я столько дену?

– Люди съедят. Ты же пригласила столько людей. Что ты кушаешь хлеб с кефиром? – переключается Муся на Фиму. – Тебе зимой не надоело хлеб с кефиром?

Отхватив ножом две матерые редиски, она ополаскивает их и протягивает Фиме.

Фима прислушивается к сверлящей боли в желудке. Эх, семь бед – один ответ! Он сладостно надкусывает и начинает громко хрустеть.

– Действительно хорошая, – сообщает он жене.

– Такую редиску, как я выберу, никто не выберет! – ликует Муся. – Чтоб вы знали: я сначала обойду весь базар, пока найду то, что мне понравится. Если будет хорошее стоить десять рублей, а чуть хуже – три рубля, я возьму за десять, хоть бы то ко мне говорило!

В присутствии Муси с ее сумками и пучками кухня перестала казаться необъятной.

– Давай, я передвину столик прямо к раковине, – предлагает Муся. – Мне будет удобнее мыть эти куры.

Поле не предлагают высказать свои соображения. Ну и ладно. Пусть двигают, пусть бросают кур в таз для варенья. Надо терпеть, раз никак не обойтись без Мусиной помощи.

Муся принимается с жаром скрести и дергать кур.

– Сейчас приедет Данечка с селедкой – он их в два счета разделает.

– Хорошо, – подключается слегка уязвленный Фима. – Может, вы и мне окажете доверие что-то сделать?

– Конечно, Фима! Возьми всю картошку, что в ящике, и хорошенько ее перемой.

– Кран же занят.

– А ты возьми тазик и иди в ванную. Только мой хорошо, чтобы мне не было потом земли в кастрюле.

Муся протягивает ему первый попавшийся таз, и у Поли сердце обмирает на секунду: это таз, в котором она замешивает тесто.

– Только, Фима, – останавливает она в дверях мужа, – умоляю! Чтобы у тебя картошка не падала в раковину! Соседи прямо там ноги моют и выливают туда всякую гадость. Ты понял?

– Большое дело! – не пропускает Муся замечание сестры. – Так упадет одна картошечка! Он ее перемоем еще раз. Ты думаешь, земля, где она росла, чище, чем ноги у твоих соседей? Все растет на земле. Чтоб ты знала: земля – это самое чистое, что может быть! Пусть сначала эту картошку перемоем – я ему другую дам. Пускай лучше лишнее останется! – трубит Муся. – Если тебе будет много – ты соседям раздашь. Я правильно говорю?

Поля вздыхает. Что-то девочек долго нет. Хоть бы Фаечке удачно сделали прическу. Когда слишком стараешься – всегда получается не то.

– Вот что, Поля. Неси уже яйца. Можно уже яйца варить.

– Нет, Муся. Надо подождать, пока профессор встанет.

Иннокентий Львович хотел бы встать. Но он лежит, неуверенно поглядывая на дверь со свободно висящим крючком. С вечера он долго не мог уснуть. Гремели трамваи, ветер раскачивал черные липы за окном, и свет фонаря бил ему прямо в лицо, часто и внезапно. А потом уснул, как провалился, видел длинные сны... Не услышал, когда поднялся и ушел из комнаты Митя.

Поразительный мальчик! Заниматься в такой день... Иннокентий Львович прислушивается. Где-то он играет, очень далеко. Хороший резонанс в квартире. Но как не к месту сейчас этот Бетховен! Лучше бы помогал матери.

Он пытается дотянуться до стула с одеждой. Под дверью тихонько топают дети, и Иннокентий Львович боится, что они могут распахнуть ее в самый неподходящий момент. Он понимает, что никого здесь это не сконфузит. Простые люди, без лишних тонкостей. Очень симпатичные. Но Иннокентий Львович никогда и вообразить не мог бы, что Митя из такой семьи. Он покрывается холодной испариной, вспоминая свое письмо, его тон, стиль... Каково было это читать бедной Полине Яковлевне... Но меры она приняла. И самые решительные.

Нет. Он не жалеет о том, что вмешался в эту историю. Галя Попова – хорошая пианистка. Но... Иннокентий Львович знает этот тип женщины. Она способна испортить жизнь любому, в особенности такому, как Митя. Но в каких словах он все это высказал... "Она из очень простой, неинтеллигентной семьи... она окручивает его, как Элен – Пьера Безухова..."

За дверью кто-то шепчется. Надо решаться. Пока он не встанет – никто не войдет в эту комнату, а здесь и холодильник, и зеркало, и платье невесты.

Он быстро встает, двумя рывками натягивает брюки и уже спокойно, с облегчением надевает рубаху.

– Иннокентий Львович! – приветствует профессора Фима. – Проходите! Мойтесь, брейтесь. Я вам не буду мешать.

Он оттаскивает в сторону ящик с картошкой и таз.

Фима явно не собирается удаляться, и Иннокентий Львович открывает свой несессер.

– Что-то он сегодня не очень, – кивает Фима в сторону, откуда тихо прорываются стенания виолончели. – Сами понимаете, такая обстановка... И музыка какая-то...

– Нет-нет. Все хорошо, – успокаивает Фиму профессор. – Это партия из квартета.

– А-а... – кивает Фима. Он стоит, заложив большие пальцы рук за бретельки майки

Фиме хотелось бы поговорить откровенно. Нормальный человек... И что это Поля задержала всех, будто он граф какой-то? Сам он, что ли, майку не носит? Или шлепанцев не видал? Он профессор, конечно, но такие ученики, как Митька, тоже не каждый день попадают. А педагогу это плюс для карьеры. Хотя Митька, возможно, и у захудалого учителя играл бы не хуже. Но марка – это тоже большое дело. Не будь Митька учеником Эрви, его бы не послали на конкурс Чайковского.

Фима ждет, пока профессор выберет сложное место под носом, и возобновляет прерванный разговор о музыке.

– Как вы думаете, Иннокентий Львович, у него есть шанс занять хоть какое-то место на конкурсе?

– Безусловно. Но... – профессор останавливает бритву у виска. – Понимаете, на конкурсах преимущество традиционно отдается московской школе...

– Значит, в Москве лучше учат? – с деланным безразличием уточняет Фима.

– Ну... Тут не подходят категории: лучше-хуже. По-другому.

– Почему же не учить так, как требуется?

– Это сложный вопрос...

– А я думал: раз его целовал сам Растропович – полдела сделано.

– Да. Растропович его оценил очень высоко, а он, вероятно, будет председателем жюри. Но говорят, что будут играть двое учеников Геллера. Очень сильные ребята.

Иннокентий Львович рад, что звонок и бурный шум в коридоре оборвали нескладную беседу.

А Фима и так уже все понял. Мало того, что мальчик – еврей, так у него еще фирма не такая, как нужно. А все Поля! Говорил же ей: "Что ты Файку повесила на нем, как камень! Пусть Митька поступает туда, где лучше всего. Вези его в Москву, а Файку – в какую-нибудь Астрахань, Саратов!" Да и вообще могла обойтись без консерватории. Что она – концерты давать собиралась? А сопляков учить – хватило бы училища. Нет, подавай ей консерваторию! Без высшего образования ее замуж не возьмут! Стоило биться за высшее образование, чтобы выбрать себе такого сморкача...

Фима выходит в переднюю, протягивает жениху руку. Тот встряхивает ее с чувством и вдобавок горячо целует Фиму в щеку. Полю он целует в губы. Отодвигается, смотрит благодарно в ее

увлажнившиеся глаза и опять целует, не может удержаться. Можно подумать, что он женится на Поле, а не на Файке. Фиме смешно. Чем он лучше Жоры? Впрочем, нет, Жора, кажется, сам бросил Файку. Ну, все равно. Был еще Яша, или как там его. Красавец рядом с этим. Ей не подошло, что он не академик. А этот – академик!

Фима, щурясь, как от кислого, рассматривает без пяти минут зятя. Тощую кадыкастую шею, сонные голубые глаза, незакрывающийся рот под черными усиками. Это он молодец, что додумался отпустить усы. И вообще. На вид дурак, а соображает, как надо. Файка ему раз отказала, другой, третий – с него, как с гуся вода! Он к Поле ходил. Он за Полей ухаживал. Молодец!

"Чудный, чудный парень!" "Море симпатии!" – доходит до Фимы шепот соседок. – "Это будет муж, каких мало".

Дай Бог. Фима не против. Да, он не похож на Стриженова. Так Файка тоже не Быстрицкая.

Фима направляется в комнату вслед за удаляющейся процессией.

– Фима! Ты не забыл про картошку, Фима? – Муся плывет ему навстречу, распирая боками коридор. В руках у нее громадный букет белых пионов.

– Я почти кончил. Сейчас принесу.

– Подожди. Дай мне вазу для цветов. Нет! Лучше трехлитровую банку. Банка крепче стоит, чем ваза. И вообще, зачем пачкать вазу, раз мы повезем эти цветы в загс.

Фима покорно плетется в кладовку. То картошка, то банка. Ему уже надоела эта свадьба. Пусть бы уже все было позади.

Фиме становится стыдно такого своего настроения. Можно подумать, что у него каждый месяц дочка замуж выходит. Тем более за Файку он-таки здорово волновался. Надо же, чтобы девочка удалась с таким носом! Один к одному – его нос! И даже этот крючочек на конце! Да... Но ничего, он неплохо прожил с таким носом – даст Бог, и Файка не хуже проживет. Хитрым всегда лучше живется. Вообще-то он гордится детьми. Даже Изькой. Как в том анекдоте: "Старший у меня врач, такой врач, что поискать, средний у меня портной, но такой портной, что поискать, младший..."

Фима ставит перед Мусей пыльную банку и направляется в ванную домывать картошку. Да. Изька у меня таки мишигене. Но такой мишигене, что поискать. И ничего, живет себе, зарабатывает не хуже других. И тоже с носом. Они с Файкой – одно лицо. Как близнецы. А характером совсем разные. Вот Митя с Риной – оба не от мира сего. В кого они такие... беспомощные? Вообще, характером дети не похожи ни на него, ни на Полю. А лицом... Как-то пополам. И главное – Изька с Файкой собрали все самое поганое, что есть в лицах родителей, а Рина с Митей – все самое лучшее.

Фима с досадой изучает свое отражение в забрызганном ржавом зеркале. Он пытается подсобрать свой ухмыляющийся рот. Странно, что он никогда прежде не задумывался об этом. Ему хотелось бы с кем-то поговорить о своем открытии, но сейчас не до того. Он сливает воду из таза и тащит на кухню вымытую картошку. "Нет, Поля! – разносится на всю квартиру Мусин баритон. – Оливэ тоже можно испортить, если делать без головы. Если ты дашь в салат синюю картошку, тебе не получится хороший салат. Если ты дашь магазинные огурцы, тебе весь салат будет пахнуть грязной бочкой! А колбаса? Если ты дашь какую попало колбасу, ты увидишь, что у тебя получится, а не салат. И надо знать, как ее нарезать, чтобы людям не попадали куски, как детские кубики!"

Уморит она Полю.

Фима ставит перед золовкой таз.

– Ну, куда вы меня еще пошлете?

– Тебя, дорогой мой зять, знаешь куда хорошо посылать? За смертью тебя хорошо посылать! – Муся так хохочет, так оглядывается на присутствующих, будто только что, на глазах у всех, сочинила эту байку. Она не глядя ворочает на сковороде целую гору крошеного лука, и ни один кусочек не падает на плиту.

– Что вы столько возитесь? – недоумевает Фима. – Мы же все заказали в кафе!

– Кафе! – саркастически крикает Муся. – У них хорошая только водка. Если не нести свое, кушать будет нечего! И надо же что-то приготовить на завтра!

Поля нетерпеливо дожидается паузы.

– Фима! Я тебя прошу, Фимочка! Не надо мне помогать, у меня хватает помощников. Ты бы лучше сделал мне одолжение и оделся по-человечески. Что ты ходишь перед людьми в этой майке? Пойди, мама, оденься.

Весело и резко три раза подряд звенит звонок.

– Ну вот, видишь! Я же говорила! – вспыхивает Поля и спешит открывать.

Фима не присоединяется к общему движению. Он запирается в спальне и быстро переодевается в приготовленный с вечера наряд. Черный костюм, крахмальная белая сорочка, черный галстук, новые носки с бумажкой... За носки он принимается в последнюю очередь, с трудом перегрызает нитку, скрепляющую их вместе. Красавец!

Шум приближается, Фиме слышно каждое слово. Не хочется выходить. Но – надо: Файка вернулась из парикмахерской!.. Скроив праздничную гримасу, Фима распахивает дверь. При виде дочери он испытывает некоторое разочарование.

– Ну как, папа?

– Хорошо, – кивает Фима и еще показывает большой палец. А на что он, собственно, рассчитывал? Что ей там нос подкоротят? Или вытянут ноги?

Они-таки старались сделать ее повыше. Волос, слава Богу, хватило на целую башню. Но как-то от этих кудрей и локонов вид у нее глупее и старше. Ему больше нравилось, как она делает каждый день. С начесом. Впрочем, он ничего в этом не понимает. Может, и хорошо, раз все так хвалят. Ну, Ринка – душа простая. Но сваха тоже восхищается. И Изькина ныкейвочка.

– Иннокентий Львович! – не к месту суетится Поля. – Я должна вас познакомить со старшими детьми. Это мой сын Изя, это его жена Бэллочка, это моя дочь Рина...

Фима теплеет от приятного злорадства: профессор на Бэлку едва посмотрел, а Риночка, видно, его достала. Даже руку забыл отпустить, растерялся, бедный! Да. Риночка – это Риночка... Жаль, что ей устроили такую скромную свадьбу. И платьице было самое обыкновенное. Кажется, даже не белое. И без всякой фаты. Глупо. Ведь было за что купить. Просто она ничего не просила, а они сами не додумались. Файка другая, Файка все знает. Что платье надо шить в оперном театре, что за фатой надо ехать в Кишинев. Почему Кишинев? Разве в Одессе не лучше толкучка? Ну что ж, посмотрим, что ей нашили в ее оперном Кишиневе.

Фима садится на диван между староромановской теткой и отчимом жениха. Как-то он не заметил, когда набралось столько народу. Какой-то старик с орденами протягивает Фиме коробку конфет. "Угощайтесь". "Спасибо" – говорит Фима.

Запах жареного мяса становится все плотнее. Рина боится, как бы им не пропиталось платье невесты. Она пошире распахивает окно. С улицы веет липой и машинами. Фаечка сидит на стуле в одной грации. Вид у нее усталый. Конечно. В семь часов они уже стояли под парикмахерской. И Фаечка была такая радостная, свежая, а теперь совсем сникла, и лицо покраснело от жары. Если бы не прическа, она могла бы прилечь на несколько минут. Риночка смотрит на часы. Боже! Как летит время! Она неожиданно теряет, не помнит, что должна делать.

– Бэлла! – стучит она пальцем в тонкую перегородку, – по-моему, пора одевать детей!

– Дети уже одеты, – откликается вальжным голосом невестка. – Вам помочь?

– Только дверь не открывай широко.

Бэлла не отвечает и через минуту уже протискивается в дверь, старательно загораживая своими пышными формами приоткрывшуюся тайну. Запах цветов, зацепленный в гостиной, тянется за нею, как шлейф.

– Столько пионов! – восхищается Риночка. Этот запах трогает ее до слез, напоминает что-то давно забытое. Нет, не свадьбу. У нее на свадьбе не было пионов. Вообще было мало цветов. И свадебного платья ей не сшили. Но зато сейчас Рина получит все, чего у нее тогда не было. Фаечка будет самой нарядной невестой в загсе!

Риночка с восторженной нежностью оглядывает сестренку. Ее так украшает эта челочка, уложенная набок. А какая милая улыбка! Риночка с детства не может равнодушно смотреть на эту открытую младенческую улыбку. И глазки... Ах! Напрасно Бэлла так сильно их подвела! Риночке

кажется, что и брови не стоило красить. Светлые бровки гораздо нежнее. Впрочем, Бэлла лучше знает.

– Ну вот. Вы бы без меня еще час возились!

Бэлла оглядывает через зеркало дело рук своих. Вполне ничего. Если бы еще эту улыбочку ушить с двух сторон... Она, не удержавшись, прыскает, но сразу же ловко выкручивается:

– Там такие споры идут на кухне! От Муси можно умереть! Второй подобной дуры нет на свете, – и Бэлла, уже не стесняясь, хохочет: ей приходят в голову все новые усовершенствования во внешности мужниной сестры.

Риночка благоговейно разматывает невесомые светлые чулки.

– Все новое! – восхищается она. – Это очень хорошая примета! Она будет очень счастлива! Когда я выходила замуж, этого никто не знал... У меня и туфли, и белье были ношенные. А у тебя?

– У меня... – криво усмехается Бэлла, но не досказывает. С их братцем и королевский наряд не помог бы... – Так, – командует Бэлла. – Надеваем платье.

Она помогает Фае аккуратно просунуть в отверстие выреза громаду прически.

– Чудо! – Риночка снова приходит в восхищение от платья, которое видела на всех примерках. – Только вот тут чуть-чуть смялось, давай, я подглажу.

– Это Митя, – беззлобно уточняет Фаечка. – Привалил к платью футляр виолончели!

Бэлла ждет с фатой на вытянутых руках.

– Готово.

Фата взмывает как-то необыкновенно красиво, каждый слой – отдельным облаком. Риночка закрывает рот полотенцем, счастливые слезы бегут по ее светлому матовому лицу.

Иннокентию Львовичу жаль, что он не послушал Митю – не ушел с утра посмотреть город. Просто надо было идти одному. Не заблудился бы. Впрочем, и от Мити в доме не было толку. И сейчас нет, хоть он и старается. Бегаёт, суетится, как пятилетний ребенок, которому поручили развлекать гостей. Виновато поглядывает на учителя. Митя – загадка. Иннокентий Львович не знает даже, умен ли Митя. В чем-то да, очень, а в чем-то такой же, как все здесь. Симпатичные, колоритные люди. Но откуда вдруг из такой среды возникли эти ангелы во плоти: Митя и особенно его сестра? Поразительная женщина! Эти беззащитные глаза, эти вдохновенные губы – действительно, как распускающийся бутон! Она мелькает в комнате, пробегает по коридору... наверное, чтобы чем-то помочь на кухне, но кажется, что там случилась беда, и вот спешит на помощь. Эти две девочки в белых нарядах – явно ее дочери, но в них нет и следа ее обаяния. Матрешки. На еврейский лад.

– Две куклы! – призывает Иннокентия Львовича в свидетели старуха с большой пластмассовой брошью на груди. – Вы, я вижу, Митин профессор. А я свекровь его сестрички. Это мои внуки. Соня! Мила! Идите сюда! Вы знаете, Милочка тоже учится на виолончели. Там был меньше конкурс. Мы хотели пианино, но на пианино она не прошла.

– Ничего, – вклинивается в разговор оказавшийся рядом Митин отец. – Будет, как Митька. Поедешь, толстуха, на конкурс Чайковского?

– Да-а, – тянет девочка, кокетливо выворачиваясь из объятий деда.

– Что же ты все портишь, папа! – Риночка бросается на корточки перед дочкой, подтягивает белые гольфы, поправляет громадный бант.

– Почему ты не сделала прическу? – спрашивает у Риночки свекровь. – Всегда этот узел и узел! Как у старухи. Даже я сделала химию.

– У меня ужасные волосы! – горячо оправдывается Риночка. – Их никакая завивка не берет.

– Да, – продолжает свекровь с неглубоко упрятым ехидством, – тебе не делали такую свадьбу. Конечно. Кому-то консерватория и свадьба на сто человек, а кому-то старое пальто.

– Меня учили музыке. Я сама не захотела.

– На каком вы играли инструменте? – спешит прервать неприятный разговор Иннокентий Львович.

– На пианино, – благодарно откликается Риночка.

– Она и сейчас по музыке работает, – вмешивается крупная нарядная старуха. – Я когда зашла в ее магазин и увидела, как она там стоит в платье с кружевным воротничком и ставит людям пластинки – я даже заплакала, что покойный Яков это не видит. Он ее любил больше всех.

– И старуха ее больше всех любила. А кольцо отдала Мусе.

– Мы виноваты, – игнорирует сваху Фима. – Митька тоже не хотел играть, а теперь его не оторвешь.

– Деда! – теревит Фиму Милочка. – Расскажи, как Митя в уборной...

– Цыц! – не глядя на ребенка, рявкает Фима.

– Ну расскажи-и! А я тебе спину почешу. – Она дергает его за полу пиджака.

– Отстань.

– Фу! Милочка! Разве можно говорить при гостях такие вещи! Гости подумают, что ты плохая девочка. Смотри, что бабушка тебе принесла. – Старуха достает из сумочки две шоколадные "монетки". – Тебе и Сонечке.

Милочка, забыв поблагодарить, спешит в другой конец комнаты.

– Гена! Илюша! – зовет она издали двоюродных братьев, топает от нетерпения ножкой, помахивает шоколадками, будто дразнит щенка. – Смотрите, что у меня! Надо разделить на всех!

Фима нехотя заправляется за ней. Полный дом конфет, а они подняли гвалт из-за шоколадки! Мельче, наверно, не было в магазине. Хватит как раз, чтобы перепачкаться.

– Эй! Мила! Подожди, не разворачивай! Я сам!

– Ты испортишь бума-а-жку!

– Я осторожно, – обещает Фима и начинает потихоньку отворачивать бортики золотистой фольги. Так медленно, что дети теряют к шоколадке интерес.

– Милка, ты уже видела Фаечку? – спрашивает Гена.

– Видела. А ты не видел, ага, ага! Она такая красивая... – всплескивает руками Милочка, – как...

Фима затыкает ей рот шоколадной долькой.

– Как Буратино! – подсказывает Илюша.

– Как Буратино!! – радостно подхватывает Сонечка и ляпает в ладоши, растопырив пузырчатые пальчики.

– Как принцесса! – возмущенно перебивает их Милочка, и коричневая капля вытекает из уголка ее рта.

– Цыц, козявки! Молчать, пока не проглотите! – Фима вытирает Милочке рот своим платком. – Я вам дам Буратино!

"Дети! Где дети?" – поднимается шум в комнате. А из парадной двери является запыхавшийся Митя.

– Всё! Машины подъехали!

У Поли начинает бешено колотиться сердце. Она даже теряет равновесие на какие-то секунды. Господи, дождалась! И как красиво все получается! Только Бэлла могла такое придумать. Слева от двери – две девочки с огромными капроновыми бантами, справа – два мальчика с такими же бантами под воротничками... Как они стараются, бедненькие, совсем не шевелятся! Только моргают глазками.

Кто-то невидимый разводит обе створки двери, и оттуда выплывает нечто белое и сияющее, с Фаечкиной походкой и улыбкой. Геночка с Милочкой приподнимают с пола углы ее шлейфа, Сонечка с Илюшей берутся с двух сторон посередине...

Так они идут по коридору, по лестнице, по улице – к черным "Волгам", украшенным цветами. Да. Поля тоже все успела на этом свете. Почти все. И у нее еще есть немножко времени.

– Иннокентий Львович! Пожалуйста, сюда!

– Бог с вами, Полина Яковлевна! Я прекрасно доберусь на трамвае.

– У нас нет человека дороже, чем вы! Вы столько сделали для Митеньки!

Иннокентий Львович видит, что возражать бесполезно.

Из подъезда кинотеатра начинает валить народ, зеваки застревают, заинтересованные ярким зрелищем. Невеста нагибается к дверце машины, но шлейф, сильно натянутый детьми, не дает ей сесть. "Соня! Илюша! Отпустите!" Они отпускают – и кружево опадает на грязный асфальт...

Шоферы, столпившиеся у машины, чем-то недовольны. Один из них, просунув голову в окошко, что-то объясняет невесте. Оттуда доносится ее встревоженный голос. "Как это не успеем! Как это не успеем! У нас после росписи останется целых два часа!" "Два часа! Так этот же неизвестный солдат на другом конце города!" "Хорошо! – не сдастся невеста. – Тогда мы поедem к Ленину! Какая разница, куда возлагать?" "Мы женимся один раз – и на всю жизнь! – подхватывает жених. – Сейчас все возлагают цветы!"

Двери, наконец, захлопываются.

В машину Иннокентия Львовича садятся Митя, Рина, а вслед за ними – высокая крупная девушка, с очень белым, красивым, но глуповатым лицом.

– Познакомьтесь, это дочь моей тети Муси.

– Аделина, – раздается хриловатый, как бы отдельно существующий голосок.

Девушка привстает, чтобы пожать ему руку. В машине становится темно, она раскачивается, как лодка.

– Ты не знаешь, Аделина, Рома успеет в загс? Когда приходит Стеллочкин поезд?

– Успеет, – рассеянно роняет Аделина и щурится в окно. – Смот'ите, смот'ите, Казик подглядывает! Вон – за занавеской!

– Пусть! – страстно отзывается Риночка. – Пусть видит! Клянусь тебе, Митя...

Но Митя не слышит. Он высунулся из окошка и радостно машет кому-то.

А махал он нам.

В то время мы с сестрой больше не сопровождали родителей, когда они отправлялись на праздники к своим друзьям. Да, собственно, и эпоха пышных именин и годовщин революции давно уже кончилась. Произошло это как-то само собой. Сначала умерла Тамара-самуила. Потом долго болела старуха, и было не до веселья. Если устраивали что-то – то без прежнего размаха: все вдруг заметили, в какой ютятся тесноте, и стали тяготиться ею.

Слабо помню какие-то неудачные детские именины. На веранду нас не выпускали: было уже холодно. Да я и не хотела выходить, боялась, что там можно наткнуться на что-нибудь такое... гроб или венки, оставшийся после похорон Тамары. Или встретить новую жену Самуила, про которую говорили, что она "страшный человек". Мы сидели за столом, вплотную прижатые с трех сторон, скучные, одинаковые, в своих коричневых школьных формах, отвыкшие друг от друга. Напротив меня маялся Мунька. Он был такой же виноватый и печальный, как всегда. К его виду очень подходило слово "сирота". Все гладили его по стриженному темени и заставляли есть. Маленькие Аделина и Тимур с безрадостным упорством скакали по кровати за спинами взрослых. Прижатая к столу Фаечка играла на скрипке. Митенька все уворачивался от решительного локотка сестры... Гости жалели, что в этой тесноте Мите негде расположиться со своим инструментом. Втайне я была довольна, что толстый щекастый Митя не будет играть на своей пузатой нудной виолончели...

В следующий раз я оказалась в той же компании, когда Роме исполнилось шестнадцать.

Это было уже на Ирининской. Я впервые выбралась в бездонную коммуналку, куда тетя Муся переехала лет за пять до того. Мы опоздали. Помню, как тетя Муся распахнула дверь: "Смотрите, дети, кто пришел!" И множество милых лиц обернулось ко мне.

На меня смотрели уже не мальчики, а юные мужчины. Я почти сразу узнала всех, хотя это было непросто: черты их так изящно вытянулись и отвердели... Почему-то хотелось произнести слово "архангелы". На них были одинаковые белоснежные рубашки с закатанными рукавами, черные галстуки. Все это, по-видимому, было надето впервые. Они сидели, локтями опираясь на колени. Большие кисти свисали, как новые, неопробованные орудия. Слегка топорщились по-взрослому уложенные волосы – темнорыжие Ромы, черные Муни, светлорусые Митины. Красивее всех

неожиданно оказался Митя. Зато ничуть не изменилась Фаечка, просто вся покрупнела. Изя, Миша и Риночка сидели со взрослыми, в соседней комнате, но их тянуло к младшим: поболтать, потанцевать. Дядя Фима дремал на диване, а Тимур и Аделина прибежали его чесать за деньги. "Сколько у тебя?" – доносился громкий шепот из коридора. "Рубль десять. А у тебя?"

Мы смеялись: в наше время за эту услугу платили меньше. Аделина хихикала и ломалась. У нее был голос пятилетнего ребенка. Впрочем, она и не выглядела на свои десять. Беленькая, с сонными голубыми глазами и двумя ярко-розовыми латочками румянца, она казалась куклой, но какой-то несуразно большой. У худенького Тимура был ночной недетский взгляд матери.

Риночка смотрела на нас с восторженным умилением. Она дала мне подержать свою полугодовалую дочку. Было видно, что это дитя в семье обожают. Всем хотелось ее помянуть, потискать. Даже друзьям Ромы. Было так славно! Казалось, что с этого дня все мы снова будем неразлучны...

Но ничего такого не произошло. И на Фаечкину свадьбу я пошла, чтобы она не подумала, будто я на нее обижена. Обижена я не была. Скорее огорчена.

История была давняя. Года за два до того тетя Поля стала звонить моей маме. Она подолгу говорила о нескромной современной молодежи. О том, что Митенька остался в Ленинграде, а Фаечка здесь, что заочное обучение имеет один большой недостаток: у девочки нет компании... И в один прекрасный день я отправилась к Фаечке на именины с двоюродным братом Сеней, которого срочно вызвали из Грозного. Брату она понравилась. И мне тоже. Кругленькая, уютненькая. В течение вечера она дважды меняла платье, но никто из гостей этого не заметил. Их было человек десять – смущенных парней, ни с кем в доме не знакомых. Казалось, они вообще не знают, куда и зачем пришли. С Фаечкой танцевали мало. Положение спасал только междугородный телефон: звонил Митя из Ленинграда, звонили из Вильнюса Рома с женой, из Ялты – Муня, долго желали счастья тетки из Старороманова. Фаечка очень хорошела, оказываясь в центре внимания...

Они с Сеней встречались полгода, но выйти за него замуж Фаечка не захотела.

Возможно, поэтому в день Фаечкиной свадьбы все семейство тети Поли оказывало нам чрезмерное внимание. Нас заставили ехать в загс на черной "Волге", в загсе вытаскивали в первый ряд. Только оказавшись в банкетном зале, мы почувствовали себя свободнее. Разве что тетя Поля подходила на минутку и просила извинить за то, что не может "лично заняться" нами, да Риночка, пробегая мимо, бросала на нас умоляющие взгляды. Митя махал издали рукой. Он очень старался быть полезным: встречал на лестнице гостей, забирал у Фаечки букеты... Наконец он выбрал минуту и подошел к нам, ведя за локоть мрачного белобрысого парня.

– Это Сережа, – сказал он, – мой лучший друг. Я давно хотел вас познакомить. Он прекрасный скрипач и очень интересный человек. Вам будет о чем поговорить.

Тут он бросился навстречу новым гостям, а "интересный человек", даже не кивнув нам, поплелся за ним...

– Ну и дружок у Мити! – помотала головой моя сестра. – Он играет с Леной в одном оркестре. Лена говорит: антисемит, каких мало. Его в оркестре зовут "Петлюра".

– А как тебе жених?

– Слов нет, – прыснула Анечка. – По-моему, наш Сеня рядом с ним Аполлон.

Оркестр приветственно рявкнул. По лестнице поднимались две дамы, обе с пышными черными кудрями. Два бюста с глубокими декольте выступали вперед, как выдвинутые ящики письменного стола.

Они по очереди расцеловались с Фаечкой.

– Руфина Борисовна, – пропела старшая, пожимая руку жениху и протягивая подоспевшей тете Поле конверт без марки. Младшая замялась, не зная, следует ли целоваться с женихом, и сунула руку лодочкой.

– Ло-о-ра, – выплыло у нее из горла, как у фокусника яйцо.

– Ло-о-ра, – невольюно повторила я.

– Ты что, знаешь их? – удивилась сестра.

– Встречались когда-то на именинах. У них смешная фамилия: Полуйко. Я в детстве думала: Полуйка – это женщина, которая моет полы.

– Ну что ты! Такая мадам...

– Зачем это ты ее пригласила?! – раздался за моей спиной зычный шепот тети Муси.

Тетя Поля втащила сестру в наш закуток.

– Муся, тише! Не дай бог, кто-то услышит!

– Как тебе нравится? – обратилась ко мне тетя Муся. – Они позвали на свадьбу Тамару-полуйкину! И это после того, как она сделала такую подлость!

– Мусенька! – взмолилась тетя Поля. – Это только ради Митеньки! Я хочу его с Лорочкой познакомить! Лорочка же ничем не виновата!

– Виновата! – грозно сощурилась тетя Муся. – Когда ее отца посадили, она была уже взрослая девочка. Могла сказать: "Мама! Ты заставляла папу делать дела! Из-за тебя он сел в тюрьме!" Сволочь такая! Через год она нашла себе другого махера, а ему, бедному, даже передачи не носила!

Снова ударил оркестр. Тетя Поля заспешила к дверям.

– Кто ей такая Тамара-полуйкина, чтоб ее приглашать? – возмущенно глянула вслед сестре тетя Муся. – Хочешь звать Лорочку – зови Лорочку. Своего соседа она не пригласила! Сорок лет прожить с человеком и не позвать на свадьбу! Так делают? Мне на него смотреть было жалко, на этого Казика! Они, видно, даже подарок купили. Я через дверь заметила: там пакет на столе лежал и цветы в бумаге! Поля вбила себе в голову, что она заболела из-за него! Они ругались из-за форточки, и он ее толкнул и сказал: "Чтоб ты сдохла от..." Не хочу повторять. Да, это нехорошо. Порядочный человек так не говорит. Но когда человек ругается, он сам не знает, что он говорит. Если бы все сбывалось, что люди проклинаят один другого, не осталось бы кому жить на земле! Этот несчастный Казик даже не знает, что у Поли была такая операция. Как он должен к этому относиться, я вас спрашиваю? И зачем надо скрывать, что у тебя горе? Люди лучше делаются, когда случается горе. Казик! Я бы им сказала, кто действительно виноват... – тетя Муся поджала губы.

– Вы не верите в сглаз?

– В сглаз? Конечно, я верю. Но не надо бояться сглаза. Мой первый муж боялся сглаза. Партийный! Он мне не разрешал давать ребенку грудь при людях. Боялся, что у меня молоко пропадет! Вы думаете, я его слушалась? Он уходил на работу, а ко мне приходили женщины, у кого не было молока или не хватало, и я им сцеживала в баночки. А что я должна была делать? Выливать? Это грех – выливать молоко, чтоб вы знали! Это нельзя. И никто меня не сглазил! – тетя Муся окинула взглядом свою мощную грудь. – У меня было столько молока, что можно было ясли прокормить! Сглаз тебя берет, когда ты его боишься. Все зло от страха! – голубые глаза тети Муси сузились. – Я бы вам сказала, кто виноват, но не хочу говорить. Это Фимины мертвецы виноваты. От самой войны у нее каждый день мертвецы перед глазами. И еще неоформленные! Один раз к ней пришел клиент, когда никого не было дома, и стал делать скандал, что ему нужна квитанция – ему кисло было без квитанции! Он ей стал грозить, что заявит в милицию, и она так испугалась, что у нее на три дня пропала речь! А теперь они все сваливают на Казика!

Гости съезжались с опозданием: кафе находилось на самом конце города, и его не так просто было найти. Старшие, годами не видевшие друг друга, сбивались кучками у входа в зал, степенно беседовали, указывали издали на своих детей. Молодежь сошлась в круг на площадке перед оркестром. Музыканты заиграли еврейскую приветственную песню. Оказалось, что все знают слова. Особенно выделялся тоненький голосок невесты.

Ло-о-мир але нейнем...

Она танцевала в центре круга. Шлейф, переброшенный через руку, мешал ей, расшалившиеся малыши норовили его дернуть.

Оркестр играл неважно, но мелодия меня волновала. Я впервые слышала, чтобы ее исполняли так громко и напористо.

Несколько в стороне от всех увлеченно, даже как-то самозабвенно топтался Митя с монументальной Лорой Полуйко.

– Ужасно! – раздался у меня за спиной глухой женский голос. – Я не удивлюсь, если он через час сделает предложение этой корове! Ее же пригласили специально для него. Он уже третий танец с ней танцует.

– А что ему остается делать? – ответил мужчина.

– Ты уж извини меня, но в вашем роду все мужики малохолмные, – добродушно хмыкнула женщина.

– В нашем роду все мужчины – однолюбы!

Я не выдержала и оглянулась: интересно было, кто это так похоже копирует голос и интонации тети Муси.

Это был "Миша-самуила". Сильно облысевший, постаревший. Если бы не сходство с отцом, я не догадалась бы, кто это смотрит на меня в упор и улыбается. Странно было видеть, как обаятельно преобразились черты Самуила на Мишином лице. И улыбка его была такая теплая, свойская, будто мы последний раз виделись позавчера.

– Привет, "невеста"! Хочу тебя познакомить с женой.

– Лиля, – она протянула мне большую мягкую руку.

Она выглядела интеллигентнее Миши. Широкое белое лицо очень украшали длинные японские глаза.

Миша одобритительно разглядывал Анечку.

– А это, конечно, твоя сестричка? Это надо же так вырасти! Кажется, только вчера я встретил тетю Симу с толстым пупсом в коляске...

– Мишка, не смущай девушку! – перебила его без всякой ревности Лиля и шутливо посетовала: – Не может равнодушно смотреть на женщин моложе двадцати.

– Моя благоверная лжет, девочки. Если попадается интересная дама...

Мы рассмеялись. Сразу было видно, что они очень привязаны друг к другу.

– А ты изменилась... – он разглядывал меня как бы из окошка.

– Постарела?

– Н-нет... Глаза были больше. Такие были глаза – не оторваться, а сейчас... Если бы ты видела, какой это был красивый ребенок! Все наши мальчишки ссорились из-за нее. Папа с Тамарой мечтали, что Мунька на ней женится.

Я на секунду стала маленькой и очень испугалась, что меня отдадут замуж за плаксивого Муньку.

– А теперь они все женаты, а я – старая дева.

– Чепуха. – Лиля очень серьезно отнеслась к моим словам. – Вам далеко еще до старой девы. А у этих... просто семейный мышигас! Объясните мне, зачем наш Мунька женился в девятнадцать лет? Что он видел в жизни, кроме семьи и работы? Ютился у тещи за шкафом, по выходным бегал делать ремонты. Хорошо еще, что не бросил институт!

– Она неплохая девочка оказалась, – возразил Миша.

– Хорошая, я ничего не говорю. Но разве они не могли два-три года погулять, поездить...

– Может, он хотел поскорее уйти от мачехи.

– О чем речь, конечно! – согласилась Лиля. – Но у них же у всех были какие-нибудь веские причины. Возьмите Рому – он тоже женился до двадцати. А если бы Муся тогда не помешала, в первый раз, он бы в семнадцать женился! Вы ведь знаете эту историю? Не может быть, чтобы тетя Муся не бегала к вашей маме изливать душу.

– Бегала.

– "Такой Рома! Такой добряк, такой красавец!" – пропел Миша тетимусиным голосом.

– Мишка, не смейся! Это же были советские Ромео и Джульетта! Викин папаша был какой-то партработник и не хотел Ромку, потому что Ромка – еврей. Вот это Мусю и задело. Она стала говорить, что тоже против, что Вика старше на два года... Между прочим, Викина мать очень хотела, чтобы они поженились. Знаете, у них есть такой предрассудок, что все евреи – хорошие мужья.

– А разве нет? – ириво спросил Миша.

– Ой! Мужья как мужья. Но что касается Ромы, то он точно – идеальный муж. Стелке повезло.

Мы одновременно глянули на танцующую Стеллу. Я видела ее впервые, и она не показалась мне такой уж красавицей. Тетя Муся, как всегда, преувеличивала. Но что-то в ней было – хотя вряд ли тетя Муся могла это оценить. Европейская элегантность, сдержанность. Она вела себя, как иностранка, притом ни с кем вокруг не знакомая. Включая собственного мужа. Но Рома! Как он смотрел, как он вился вокруг нее! Я все простила ему: и кивок издали, и то, что он не удосужился познакомить меня с женой. Так странно было видеть этого высокого стройного мужчину, его строго выточенное лицо – и выражение детской радости и нетерпения! Свадьба еще не началась, но Рома уже ждал, когда она закончится: он целый месяц не видел жену... На него потихоньку указывали, подмигивали друг другу. Стелла соблюдала приличия, спокойно уходила от его неуместных ласк и на его нескромные взгляды не отвечала.

А официантки все еще бегали с подносами, двигали туда-сюда блюда. Что-то у них не клеилось. Мелькала растерянная тетя Поля. Терпеливо останавливалась с кем-то из гостей.

– Поленька! Вы чудно выглядите!

– Спасибо, спасибо, Нюсенька!

– Поленька! Чтобы вы до ста двадцати лет смотрели на них и радовались! Чудная парочка!

– Спасибо, Дорочка!

– Она действительно никогда так хорошо не выглядела, – отметила Лиля. – Если бы еще сделала стрижку вместо этих довоенных "шишек"... Даже тетя Муся – и та постриглась. По-моему, она сейчас выглядит моложе и красивее, чем была у нас на свадьбе.

Это была правда. Но мне казалось, что дело не только в прическе. Весь облик тети Муси был более выигрышным для зрелого возраста. Она высилась среди гостей, как башня, ее лицо, с губами, искривленными гневной иронией, отовсюду бросалось в глаза.

– Что случилось, тетя Муся? – окликнул ее Миша, когда она поравнялась с нами.

– Ничего. Ты что, не видишь? – тетя Муся указала небрежной рукой на стол, где официантка подсчитывала пальцем в воздухе то ли стулья, то ли куски рыбы на тарелках. – Твоя тетя – как Иисус Христос: она думала, что одной курицей можно накормить сто человек!

– Где же сто? – обернулась к нам официантка и доверительно шепнула: – Заказали на сто, а пришли все сто пятьдесят. Мы уже кур на такие кусочки режем, что смотреть жалко!

– Не хватает кур? – удивился Миша. – По-моему, тетя Дора мобилизовала на эту свадьбу всех староромановских кур!

– Видно, Дорины куры вернулись обратно в Старороманов, – горько усмехнулась тетя Муся.

Тут заболталось, закашлялось в микрофоне, и гостей пригласили к столу.

Нас посадили рядом с семейством тети Муси, слева расположились Миша с Лилей.

– Прошу гостей приготовиться к встрече жениха и невесты! – с профессиональным подъемом провозгласил ударник, исполнявший заодно функции тамады. – Тишина!!

Через микрофон стало слышно, как скрипят под музыкантами стулья. Наконец оркестр ударил марш Мендельсона.

Из раздевалки явились жених с невестой, успевшие привести себя в порядок после танцев. Дети несли за Фаечкой шлейф, растягивая его, как занавес после стирки. Впереди всех, по-репортерски откидываясь и изгибаясь, носился и стрелял вспышкой Изя.

Гости зааплодировали. Лиля иронически покашляла и шепнула: "Ужас! У нее вся спина пропотела!" – "Жарко, – тихо посочувствовал Миша. – А она еще так скакала..."

В тот момент, когда невеста проплыла мимо нас, на мою тарелку шлепнулся бутерброд и кусок рыбы. "Подожди, Муся, неудобно!" – испуганно выдохнул дядя Даниил. "Если тут ждать, пока будет удобно, ей ничего не достанется!"

Она была права. Пока жених и невеста заняли свои места, блюда успели опустеть. Только капустный салат столового приготовления нарушал это однообразие. Большая салатница стояла как раз напротив тети Муси, и ей приходилось накладывать тем, кто протягивал тарелку. При этом тетя Муся добродушно ехидничала:

– Ешьте! Это сплошные витамины! Витаминов на всех хватит!

– Мусенька! Вы не передадите мне кусочек курятины? – шурилась через стол близорукая приятельница тети Поли.

– Кончились куры, Вера Ивановна! Помахали крылышками и вернулись в Старороманов! Разве так делают? – переключилась тетя Муся на меня. – Это же свадьба! Это же память на всю жизнь! А моя сестра боялась, что ей на завтра не хватит, чем принять людей! А что такое завтра? Завтра соберутся все свои. А своим не страшно, если что-то не хватит. Надо было, чтобы сегодня всем хватало! Я бы сказала моей сестре, если бы она не была такая больная! Когда делаешь свадьбу, надо быть готовым, что могут прийти лишние люди. Ты помнишь Ромочкину свадьбу?

– Я как раз тогда уезжала в Москву.

– А-а! Жалко. Ты бы увидела, какая должна быть свадьба! Как тебе Стеллочка? Хорошая девочка, правда?

– По-моему, приятная.

– А Рома?

– Очень красивый!

Тетя Муся победоносно закричала.

– Если бы ты его видела в военном! В военном он еще лучше! Но он не любит носить военное. Да. Стеллочке повезло. Взять такого красавца, такого мужа! Это же Данечка номер два! Данечке тоже шла форма. И он такой же благородный, как Данечка. Другой бы бросил жену, которая не может иметь детей...

– Даст Бог, еще будут, – предположила мама. – Сейчас врачи делают чудеса.

– Нет, Симочка. – Тетя Муся выдвинулась назад и за папиной спиной зашептала: – У нее в прошлом году удалили вторую трубу. А я сказала Роме: "Ничего. Возьмете в детдоме. Она пострадала по твоей вине. Если бы ты не поехал в это военное училище, ты бы не служил во всяких черт знает где, где не умеют делать нормальную вычистку. Это же ее в Белоруссии покалечили, когда он там служил. Потому что нельзя быть умным! – тетя Муся сощурилась назидательно. – Он думал, что сразу будет умным, если вырвется от мамы. Сейчас он уже видит, что я права. Он мне говорит теперь: "Мама, – говорит, – теперь я вижу, мама, что ты всегда права. Если бы Вика меня так любила, как я ее, так она бы не вышла замуж через полгода, как я уехал". А я ему говорю: "Ничего, сынок, она тебе сделала только лучше". Все равно это не была бы семья, как нужно. Отец есть отец. Она бы не перестала слушаться отца ради мужа. Я правильно говорю? Это мало, что ее мать хотела Рому и бегала ко мне. В семье глава – отец. Раз ему не подходил зять-еврей – ладно, мне тоже не нужна невестка из такой семьи. Что он – урод, или какой-то калека, чтобы мы навязывались кому-то? Я права?

– Как сказать, Мусенька... Отец может быть плохой, а дочка – хорошая девочка, – вздохнула мама.

– Разве я сказала слово, что она плохая? – удивилась тетя Муся. – Но она уже тем была плохая, что настраивала сына против матери. Это она его подговорила поступать в военное училище. "Ты сразу станешь самостоятельным, и мы не будем зависеть от родителей. Поженимся и уедем, куда тебя распределят". Так она его научила! И он не успел уехать, а она нашла себе другого! И ладно. Пусть себе будет счастлива. Но ты не знаешь, как он переживал! Сколько ему здоровья стоило! Это все так не проходит. Рома у меня однолюб! – И она поднялась, чтобы положить салат в очередную протянутую тарелку.

– Конечно! – тихо хмыкнула Лиля, наклоняясь ко мне. – Вы бы видели, какой он приехал из Харькова, когда узнал, что Вика вышла замуж! А через неделю они уже подали документы со Стеллой. Их Мусина соседка познакомила. Однолюб!

– Она может произвести впечатление.

– Стелка? – скривилась Лиля. – Это она сейчас такая стала. Набралась шарма за три года в Вильнюсе. Я сама удивляюсь. А была... самая обыкновенная. Мамина дочка.

Наверно, Стелла почувствовала, что говорят о ней, и быстро глянула в нашу сторону.

– Они все так. – продолжала Лиля. – Их знакомят – и они до смерти влюбляются. Наш Мунька, Фая, Изя, Рина...

– В том числе и мы с тобой, Лилька, – уточнил Миша.

– У нас – другое дело, – не смутилась Лиля. – Мы еще целый год встречались. Даже больше. А молодежь... Вот увидишь: через месяц-два Митя распишется с Полуйкиной дочкой!

– Не смейся меня, Лилька! Она же как мамаша возле него!

– Ничего-ничего! Вспомнишь мои слова! Ты посмотри, куда ее посадили!

Лора Полуйко занимала одно из самых почетных мест. Впрочем, свадебная симметрия стола и без того была нарушена. Как ни сопротивлялся Митин профессор, тетя Поля усадила его рядом с невестой. По левую руку от него занял место Митя, а к нему, естественно, пристроили Лорочку, которая казалась вполне довольной, хотя Митя не уделял ей особого внимания. Виной тому был сильно захмелевший Петлюра, ни с того ни с сего перетащивший свой стул поближе к Мите. Они горячо переговаривались через стол. Я подумала, что спине Петлюры суждено украсить передний план Фаечкиных свадебных фотографий.

Тема разговора, по-видимому, так занимала Митю, что он чуть ли не лег грудью на тарелку. Ленинградский профессор с недоумением поглядывал то на Митин затылок, то на величественный профиль Лоры Полуйко. Чем-то Лора его смущала, и это было очень заметно.

Снова заиграл оркестр, возобновились танцы. Невеста трудилась наравне со всеми. На нее натянулись, наступали на подол белого платья. Еще более странно выглядел Митя. Он топал и трясся, как все вокруг, и это так не шло к его лицу, к его большим светлым глазам! В какой-то момент у него появилась новая партнерша, стройненькая девушка в розовом. Я глазами поискала среди танцующих Лору.

– Кого ищешь? Признавайся! – кто-то положил мне на плечо руку.

Я обернулась и почти сразу узнала его. Наверно, по огромным глазам, потому что, кроме этих глаз, ничего детского в нем не осталось. Лицо стало мужественное и сухое, а выражение детской плаксивости странно обернулось какой-то ласковой угрюмостью.

– Муня?

Он удовлетворенно засмеялся.

– Это моя Люба, – он подвел меня к симпатичной, хотя и чуть грубоватой с виду блондинке. Она приветливо улыбнулась.

– А Муня мне о вас много рассказывал.

– Господи, – удивилась я, – что ж он мог обо мне рассказать?

Глаза его умиленно блеснули.

– Ты знаешь, я помню все твои платья. И как тебя везде укачивало. Мне даже это нравилось. А ты меня презирала. Да? Не спорь, я же знаю. Я так завидовал Ромке! Даже хотел его убить. А потом ты пришла однажды уже взрослая...

– Вы тоже показались мне очень взрослыми. И ужасно красивыми. Я влюбилась во всех сразу.

– Правда? – спросил он с неподдельной серьезностью. – А в кого больше всех? Нет, постой, я сам скажу. В Митю. Он был тогда такой... необыкновенный, чистый... Иногда бывает жаль, что люди взрослеют.

Мне показалось, что это сожаление относится больше ко мне, чем к Мите.

Потом он пригласил меня танцевать. А сразу за ним – Митя. Митя был пьян. Он все повторял, что много лет мечтал меня увидеть.

– Мне обязательно надо с тобой поговорить! о многом! но об этом не здесь!..

Он надолго замолчал, погрузился в печальный ритм мелодии.

Лицо его огрубело, но не стало взрослым. Остались и юношеская припухлость, и ангельское выражение губ. Да и как могли повзрослеть такие губы?

– Знаешь, – внезапно очнулся он, – я никогда не могу говорить о том, что для меня действительно важно. Вокруг столько людей, – он обвел глазами зал, – а сказать некому. А тебе я могу сказать. Я приду к тебе завтра. Нет. Завтра второе отделение свадьбы. Послезавтра. Ладно?

– Приходи. Я буду рада.

– Да. Обязательно! Ты такая... – он никак не находил нужное слово. – Я тебя боялся с детства. Мне казалось, что ты можешь разбиться, как... фарфоровая статуэтка.

Он почти заплакал.

– Если бы не была моей Галки, я полюбил бы тебя!

Я изо всех сил старалась быть серьезной.

Танец, наконец, закончился, и я стала пробираться к своим. Это оказалось довольно сложно. Проход между столом и стеной загромождали выдвинутыми стульями. В каждом заторе вздыхали о том, что дети много пьют. Везде хвалили тетю Полю. Говорили, что она прекрасно выглядит. Тетя Муся диктовала двум дамам какой-то рецепт. "Только яйца лучше брать базарные. Чтоб вы знали: у магазинных яиц нет ни вкуса, ни цвета. Из магазинного яйца никогда не вылупится цыпленок!" Староромановская тетя старалась развлечь расстроенного Митиного профессора. "Это был замечательный инструмент! Немецкий. "Штрейкбрехер". Так жалко! Мы его продали за мешок фасоли". "Самуил, ваш Мунечка просто святой! – восхищалась дама в парчовом платье. – И работа, и институт, а по выходным еще и малярничает!" "Кто его заставляет кончать институт? – испуганно моргал Самуил. – Инженер не будет иметь то, что имеет маляр. Я ему дал в руки специальность на хороший кусок хлеба!" "Если хочет быть инженером, пусть тогда не ждет от отца подачки!" – высказала вслух заветную мысль благоверная Самуила. "От нее дождешься подачки!" – тихо буркнула Мишина жена. Дядя Фима кивнул ей, не прерывая рассказа. Рассказывал он моим родителям о том, как ездил в Ленинград проведать Митю. "Навез, конечно, продуктов на месяц. Иду в консерваторию. Он выходит ко мне. Что такое? Запах какой-то... Я говорю: "Ты что это? Так уже запустился, что с тобой нельзя рядом стоять!" А он говорит: "Понимаешь, папа, мне негде заниматься. Все классы заняты, и я играю в уборной..." Мама засмеялась и спросила уважительно, когда же Митенька едет на конкурс Чайковского. Дядя Фима точно не знал. "Что-то он уже прошел, прослушивание какое-то..." "Будете иметь в доме своего лауреата!" – папа хлопнул дядю Фиму по колену. "А как же! Разве можно в доме без лауреата?" – ухмыльнулся дядя Фима.

Стали зачитывать телеграммы. После каждой телеграммы оркестр восторженно обрушивал на зал "Гумбалалайку". Для заводской окраины, погружившейся в зеленую ночь, это была непривычная музыка. Окраина выражала свое недоумение свистом, а один раз запустила в окно камень.

Как ни странно, ни на свист, ни на камень не было привычной еврейской реакции: остановить музыку, осторожно выглянуть из-за шторы, смиренно покачать головой. Сразу несколько парней азартно бросились к окну, наваливаясь друг на друга. Они явно ничего не имели против драки.

Старики переглядывались, недоумевали.

– Ничего! – успокаивала тетя Муся перепуганную тетю Полю. – Пусть играют. Почему мы должны стыдиться спеть свою песню? Она что – хуже "Распрягайте, хлопцы, кони", когда они ночью кричат во всю глотку?

– Риночка, я тебя прошу, – умоляюще потянулась к дочери тетя Поля, – уведи оттуда Сережу! Ты же видишь, что он делает!

Риночка стала оттащить в зал пьяного Петлюру. Петлюра не поддавался: он кого-то выследил в темноте и хотел бежать вниз.

– Вот мерзавец! – восхищенно просипел дядя Фима.

– И что у них общего с Митей? – не выдержала моя сестра.

– Общего? Что должно быть общее? Выросли вместе. Он Митьку дразнил "жиртрестом".

Дядя Фима откинулся на стуле, щурясь в прошлое.

Изя тайком наводил на нас объектив: стремился получить "естественные" кадры. Он серьезно относился к своему делу и так долго целился, что не заметить этого было невозможно.

– Эти мне современные штучки! – скривился дядя Фима. – Ничего толкового не выйдет. Вот увидите! Изька! – позвал он. – Иди сюда! Сфотографируй нас вдвоем. Только, пожалуйста, делай, как положено.

– Это халтурщики делают "как положено", – поджал губы Изя.

– А ты кто? – удивился дядя Фима.

– Я? – Изя помолчал. – Вот после конкурса узнаешь, кто я.

– А что это за конкурс?

– Конкурс художественного портрета, – ответил мне Изя с подчеркнутой небрежностью.

– Кстати, – оживилась Анечка. – У вас есть потрясающая модель! Сделайте портрет Риночки!

– Риночки? – поднял он бровь. – У меня есть модель и без Риночки.

– Ладно, ладно, – вмешался дядя Фима. – Снимай свою красотку, снимай, кого хочешь, а сейчас сними меня вот с ней.

Дядя Фима положил мне руку на плечо, и я почувствовала себя так же неловко, как в детстве, когда он брал меня на руки или шипал за щеку.

– Та-ак! Замрите! – крикнул наконец Изя, но тут с победным визгом бросились к нам Фаечка и ее Марик. Прежде, чем сверкнула вспышка, они уже сидели перед нами на корточках. Я подумала, что снимок получится фантастически глупый.

– Подождите! Подождите меня! – махал нам рукой Муня. Он торопливо огибал столы. – У меня есть идея! Давайте сфотографируемся, как тогда!

Фаечка захлопала в ладоши.

– Потрясающе! Станем точно так же! И сделаем такое же выражение лиц!

Муня тут же попробовал собрать губы бутончиком. Но это ни капли не походило на его обиженную детскую гримаску.

– Это знаешь что, – стала объяснять Марику Фаечка. – Нас когда-то в детстве вместе сфотографировали. Митя, Муня, Рома – и мы вдвоем.

– Я так хорошо помню этот день, – сказал Муня. – Мы шли из цирка, все были нарядные, и дядя Фима решил нас запечатлеть.

– Нам потом еще купили деревянные колесики-каталки, – подхватила Фаечка.

– Я иногда думаю, – сказал Муня, – почему там у нас у всех такие серьезные, мрачные лица?

– На меня, например, просто были малы туфли, – засмеялась я.

– Да-да! Тебя еще потом папа нес на руках!

– Ну что это за танец какой-то бесконечный! – нетерпеливо топнула ногой Фаечка и закричала в сложенные рупором ладони: – Митя! Рома! Идите сюда!

Митя не понял ее и только приветственно покивал в ответ. Танцевал он снова с "розовенькой", тесно сжимая ее в объятьях.

А Рома и не услышал Фаечку.

Я вдруг почувствовала: то, что объединяло нас все эти годы, кончается. Может, только эта фотография и осталась.

Яркий летний день. Пятеро малышей на фоне клумбы, все одинакового роста. Стоят, крепко взявшись за руки, хмуро смотрят в объектив – кроме Ромки, который косится на меня по-хозяйски и по-хозяйски прижимает к своему боку мой локоть...

Он все-таки присоединился к нам и даже взял меня под руку. Наша затея его не слишком воодушевляла, он поглядывал в сторону Стеллы, которую уже успели пригласить.

– Смотри в объектив! – насмешливо рявкнул на него Изя. – Не бойся! Никто не заберет твою красавицу!

– И твою никто не украдет! – вполне добродушно огрызнулся Рома.

– Мою? – неожиданно вскинулся Изя. – За мою можешь не волноваться! Ты лучше за своей смотри! А со своей я как-нибудь сам разберусь!

Его бледное лицо вдруг залилось темным румянцем.

– Подождите! Не снимайтесь без меня! – донеслось из другого конца зала. Оттуда бежала к нам Аделина, сотрясая столы. Этот грохот воскрешал в памяти детские страшилки об оживших статуях.

Аделина втиснулась между мной и Муней, из-за Фаечкиного плеча высунул свою тощую физиономию Марик, и прочие молодые родственники потянулись со всех сторон...

Изя щелкнул затвором – раз, еще раз – и уже через секунду рядом со мной никого не было.

Все снова танцевали. Я заметила, как тетя Муся поймала за локоть Рому и что-то зашептала ему. Рома послушно направился ко мне.

– Пойдем? – предложил он с улыбкой, в искренности которой я сомневалась.

Мы танцевали молча: он все не мог придумать, о чем говорить.

– Ты давно приехал?

– Да. Две недели назад, – благодарно отозвался он. – Ты извини, что я к вам сразу не зашел. Я Стеллу ждал. Мы к вам заскочим вместе.

– Ну как тебе в академии, не трудно?

– Да что ты! – удивился он. – Это тебе не МГУ. Ты же понимаешь, кто у нас учится.

– Ну, не знаю. Потомственные военные...

– Андрей Болконский, – усмехнулся Рома. – Рощин, Телегин...

Я попробовала представить себе Рому в военной форме. Это должно было выглядеть внушительно, не хуже Рощина и Телегина. Чего не хватало Стелле? Правда, эти его беспокойные взгляды, эта бдительно приподнятая бровь...

Танец закончился, и снова я заметила, как тетя Муся, поглядывая в мою сторону, просит о чем-то Митю. Митя послушно кивал. Я решила прекратить этот парад-алле и поощрительно улыбнулась невысокому усачу, который весь вечер вертелся поблизости.

Он выпил чуть больше, чем следовало, в остальном же был вполне симпатичный. А главное – не смотрел на меня с печальной укоризной. Под этими сравнивающими взглядами я уже чувствовала себя виноватой. Будто по собственной воле разбила фарфоровую куколку, которую когда-то укачивало в такси. Усачу сравнивать было не с чем, его устраивало то, что есть.

Когда музыка смолкла, он бросился к одной из казенных ваз, выхватил из нее букет, причем оказалось, что одна роза была воткнута вниз головой. Я и опомниться не успела, как на моей кремовой юбке расплзлось зеленоватое гнилое пятно.

– Вы – роза! – прохрипел он по инерции заготовленную фразу. – И пусть все розы мира падут к вашим ногам!

– К ногам! – в досаде рявкнула на него Анечка. – Если бы к ногам!

Мы направились в туалет, а он до самых дверей плелся за нами, извинялся, переживал.

– Слава Богу, хоть сюда не ввалился, – буркнула сестра, прикидывая тяжесть нанесенного мне урона. – Лучше всего, если ты снимешь юбку и я ее стираю под краном. А ты пока в кабинке постоишь.

Я прошла в кабинку и отдала юбку сестре.

Что-то рыкнуло за перегородкой рядом со мной. Кого-то рвало – и, судя по звукам – мужчину. Я не поверила своим ушам, но тут загадка разъяснилась.

– Может, вызовем скорую, Сереженька? – разнесся по кафельному лабиринту страдающий голос Риночки.

– Н-не надо, – промычал Петлюра. – Д-дай руку.

– Да вот же, Сереженька, я же тебя держу руками.

– Р-рина! Ты мой идеал! – мучился Петлюра. – Ты знаешь, что ты мой идеал, Рина?

– Попробуй засунуть два пальца, Сереженька. Господи! Как тебе плохо! Поглубже, Сереженька, там такая штучка есть между гландами...

– Уэ-э, – рыкнул Петлюра, помолчал и продолжил: – Ты – и Митя. Больше я никого не хочу знать! У меня нет ни отца, ни матери. Я – сирота.

– Не дай Бог! Что ты такое говоришь, Сереженька?!

– Да, – не сдавался Петлюра. – Они для меня не существуют! Все думают, что я евреев не люблю, Рина. Я гадов не люблю! Если бы мне сказали, что все евреи – гады, я бы все равно не поверил! Потому что ты и Митя – евреи. Вы для меня – все. Уэ-э...

– Ну что, легче, легче? – спрашивала Риночка.

– Я подлец, Рина! Митя спас мне жизнь! Я его оскорблял, а он спас мне жизнь! Все меня бросили со сломанной ногой, Рина, и злорадно разбежались, а Митя меня нашел и отнес на своем горбу! Мальчик, Рина! Маленький пузан! А я был на голову здоровее! Он оставил в парке виолончель и тащил меня по льду! Он – мой отец, Рина, а ты – моя мать!

– Ну что ты, Сереженька, преувеличиваешь? Подумаешь! Ну, отнес тебя домой. Может, лучше бы позвал людей на помощь.

– И это говоришь ты, Рина! А руки?! Я же не дерьмо, Рина! – голос у него все сильнее дрожал. – Я же музыкант! Если бы не Митя, я отморозил бы руки, ты понимаешь? Я не то, что Митя, я ленивый. И мне не надо никакой, к черту, славы! И не надо никакой публики. Кроме Мити. А ты... ты... Почему мне никогда нельзя было жениться на тебе?!

Он уже рыдал в голос.

– Я же старая для тебя, Сереженька. Ты лучше на Милочке женишься, – уговаривала Рина.

Сестра все не несла мою юбку.

Хлопнула дверь. Судя по всему, Риночка решила куда-то отвести своего подопечного. Он трудно прошаркал мимо моей кабины и подергал мимоходом дверь. Сразу за тем раздался Анин голос.

– Ну, как ты там?

– Скучно, – ответила я.

– Мне показалось, наоборот... – сестра едва сдерживала смех. – Я отстирала пятно, теперь под сушилкой держу. Ты только не вздумай выйти. – Она уже давилась от смеха.

Снова хлопнула дверь. Я решила, что возвращается "Сереженька", но узнала гундосый голосок жениха. С ним был еще кто-то. Их, по-видимому, ввел в заблуждение Петлюра, который появился из этой двери. Не прерывая разговора, молодые люди проследовали в самый конец туалета.

– Нет-нет, с машиной одна возня! – горячился жених. – Мы купим лодку и дачу.

Они сразу ушли.

– Открывай, – шепнула сестра.

Я натянула юбку и почувствовала себя счастливой.

В раздевалке под зеркалом спал на банкетке бледный, как мертвец, Петлюра. Риночка с Митей и тетя Поля хлопотали над ним.

– О Господи! – пробубнил кто-то рядом. – Где же дядя Фима с фотоаппаратом? Он по таким сценам как раз специалист.

Мне стало интересно, кто это так мрачно шутит. Мрачно шутил Тимур. Темные глаза Тамары-самуила смотрели на меня. Так же, как у матери, неподвижны были тяжелые ресницы. И таким же аккуратным настороженным мыском напрягалась верхняя губа.

– Вы – Тимур? – улыбнулась я ему, и он мгновенно откликнулся милой, открытой улыбкой.

– А я весь вечер собирался к вам подойти, но никак не мог решиться.

– Что же во мне такого страшного?

– Ну... – замялся он. – Вы же сами понимаете... вся эта обстановка... – и он указал подбородком на выход в зал. Там происходило какое-то мощное движение. Носили стулья. Что-то сооружали на сцене.

– Вы не любите свою родню? – удивилась я.

– Да нет, не то, – нервно передернул он плечами. – Но уж по своей воле сюда бы не пошел. Я и так весь вечер просидел на балконе. Может, выйдем туда?

Мы втроем вышли на балкон, узкий, как карниз. Земля уже отдала дневной жар, стало свежо. Ночь переливалась всеми своими красками, таинственная и прозрачная, как платье Тамары. Музыка за спиной не мешала.

– Вот видите. Тут совсем другое дело. – Он ожидал похвалы.

– Да. Здесь действительно хорошо. Но мне и там было неплохо.

Он высоко поднял брови, четко прорисованные – волосинка к волосинке. Его лицо было совсем бледным в свете далекого фонаря. Тамара реяла вокруг него.

– Понимаете, Тимур, для меня весь этот шум... как бы вам объяснить... Продолжение того, что было в детстве.

– Вы помните маму?

– Конечно.

– Какая она была?

– Красивая.

– Вот все так отвечают: красивая. А по фотографиям этого не скажешь. Мне кажется, она была... выглядела старше своих лет.

– Тогда все женщины выглядели старше своих лет.

– Полная? – выпытывал он.

– Ну... не тоненькая, но это и по фотографиям можно понять.

– Да что фотографии! – горестно вздохнул Тимур. – Ведь это дядя Фима снимал! У него и живые получались, как мертвецы.

Скрипнула дверь, и что-то большое и легкое выплыло к нам в темноту. Голубые блики фонарей отразились на гладкой лысине дяди Даниила.

– Вот вы где! А я ищу, ищу. Это ты от своего поклонника тут прячешься? – поинтересовался он игриво. – Не бойся. Он уже готов. Прикорнул за столом. И чем это ты так огорчила человека? Ну-ка, идемте, сфотографируемся все вместе.

Я уловила быстрый взгляд Тимура. Наверно, он боялся, что юмор дяди Даниила должен меня раздражать.

Дядя Даниил повел нас с Анечкой в зал, легонько придерживая за плечи то одну, то другую. Сзади разочарованно шаркал Тимур.

Нас поставили во втором ряду пятирусного хора, с женихом и невестой в центре.

– Вас всегда надо ждать! – сердито шепнула мама.

Но стояли мы еще долго. Белла прихорашивалась в раздевалке. Жена Самуила поссорилась с кем-то и отказывалась занять свое место. Тамара-полуйкина старалась пристроить Лору поближе к Мите.

– Митенька у нас – будущая знаменитость, – щебетала она. – Будешь показывать всем фото, где ты стоишь рядом со знаменитостью!

Лора терпеливо ждала, пока родственники невесты раздвинутся настолько, что в открывшуюся брешь войдет ее пышное тело. Она сжимала у груди ручки, как оперная певица, и мне все казалось, что она сейчас запоет контральто: "Ло-о-ра..." Наконец она втиснулась бочком.

– Внимание! – проревел Изя. – Снимаю!

Потом фотоаппарат взял Муня, а Изя встал на его место.

Потом фотографировались семьями, с женихом и невестой в центре.

Ошалевшие от шума и кутерьмы дети придумали себе развлечение: каждый раз устраивались на корточках у ног невесты, подставляли вспышке победно улыбающиеся мордочки.

Птички мои! Цветочки мои! – У Поли выступают слезы. – Если бы папа был жив! Если бы он видел ваши милые личики, видел эту свадьбу, Фаечку в белом платье! Как он любил ее, Фаечку! Папа всех любил. Он и Беллу любил, и Риночкиного Додика. А почему их не любить? Чем плохой Додик? Ну, ревнивый немножко. А Белла? Может быть, она Изе не очень хорошая жена, но мать она хорошая. И невестка неплохая. Про Марика и говорить нечего – он для Поли лучше, чем родной сын. То есть Поля не своих сыновей имеет в виду, а так, вообще. Разве бывает сын лучше ее Митеньки? Подумать только: она чуть не сделала аборт! А это был Митенька, ее гордость! И как раз его она оставляет неустроенным! Может быть, ему надо было дать жениться на этой Гале? Вот и профессор говорит, что напрасно вмешался. Прямо на свадьбе отозвал Фиму и сказал, что Галя, конечно, не подходит Мите, но она в сто раз лучше Лорочки. Иннокентию Львовичу виднее, но все-таки жалко. Лорочка всегда нравилась Поле. Такая послушная, такая воспитанная. И у нее уж, конечно, юбка не держится на английской булавке, как у этой Гали.

Ничего не поделаешь. Значит, не суждено ей увидеть Митенькино счастье. А ведь она совсем не старая. Если бы ее Бог пожалел и подарил ей еще лет десять жизни, она успела бы справить свадьбу Милочке, а, может, и до правнука дожила бы. Десять лет! Это же в жизни как одна минутка...

– Господи! – тихо шепчет Поля. – Ради того добра, что мои родители сделали людям, позволь мне еще немного порадоваться на моих детей. И еще: сделай, чтобы поскорее прошел завтрашний день!

Господь пожалеет Полю: он не даст ей прожить еще десять лет. А завтрашний день пройдет хорошо и складно. И староромановские куры буйно взгромоздятся на старинных блюдах, и зелень, благодатно пахнущая огородом и утром, сольет салатницы и тарелки на столе в единую радостную картину.

– Это же другое дело! – будет кричать на кухне Муся. – Когда хорошо, никто же не скажет вам, что плохо!

– Дай вам Бог здоровья, Поленька, сыграть такую же свадьбу Митеньке! – поднимет прочувствованный тост Тамара-полуйкина.

– Может быть. Может быть, он еще успеет, – ответит Поля, но никто не вникнет в смысл ее слов: слишком здоровый румянец будет полыхать на ее щеках, слишком вольно и радостно будет вздыматься протезная грудь.

Снова будут фотографироваться, и Поля попросит, чтобы ее сняли отдельно.

Этот снимок, напечатанный на эмалевом овале, найдут в кулке между черным платьем и бельем, приготовленным для похорон. Не слишком удачный снимок. Вид у Поли сосредоточенный и требовательный. Но это – обманчивое выражение, его создают крошечные губки бантиком, нарисованные помадой в центре длинного улыбающегося рта. Не так много она экономят на том, что сделает "керамику" для собственного памятника, зато детей избавит от лишних хлопот. Им и без того достанется. Дети будут преданно ухаживать за Полей. Митя не поедет на прослушивание. Чтобы порадовать Полю, он поторопится жениться. Не на Гале Поповой. И не на Лоре Полуйко. На той, розовенькой, с высокой прической. Вместо свадьбы им устроят в ресторане маленький вечер "для молодежи". К тому времени Поля уже потеряет зрение и будет лежать в доме у Риночки. Всем соседям, даже Вере Ивановне – чтоб случайно не проболталась Казику – скажут, что Полина Яковлевна и Ефим Абрамович уехали в Израиль. Соседи обидятся, что с ними не попрощались. Фима прочно обоснуется на диване зятя: Додик в очередной раз уйдет от Риночки, и Риночка не захочет больше с ним мириться. В день Полиных похорон начнется конкурс имени Чайковского, Митя не будет участвовать в нем и не станет знаменитостью. Правда, он займет вполне достойное место в Лондонском филармоническом оркестре. И если уж Лора Полуйко хотела сфотографироваться со знаменитостью, надо было ей стать рядом с Изей. Вот о ком будут долго писать монреальские газеты. Но Поля, слава Богу, не увидит монреальских газет. Бог убережет ее от этих десяти лет, от бед, которых не вынесло бы ее сердце, от географии, которой бы не вынесла ее голова.

Но в ночь свадьбы ей казалось большой неприятностью то, что кому-то не хватило пирожных. Что дети не легли вовремя спать. И Милочка набила шишку на лбу, гоняясь за братом.

Они угомонились только тогда, когда приехал автобус, и быстро уснули на руках у взрослых.

Было очень тесно. На заднем сидении громыхла посуда. Дядя Фима рассказывал Сузику что-то много раз слышанное: про русскую женщину, про войну...

3. Серебряная свадьба

Солнечный квадрат добрался до тарелки с вишней. Надо убрать ее с подоконника, а то появится винный привкус. Но Муся не спешит. Освещенные солнцем, они такие яркие, гладкие. Что может быть красивее? Муся вытягивает за хвостик самую большую вишню и отправляет в рот. Ничего страшного. От одной штучки их не станет меньше.

– Я тебе тут наделала шкodu, – сообщает Муся входящей на кухню Лиле.

– Какую? – слегка пугается Лилия.

– Вот, – протягивает Муся черешок и косточку, – съела вишню.

– На здоровье! – с облегчением переводит дух Лилия. Мужнина тетка – хорошая женщина, но и что-нибудь учудить способна. – Берите еще. Хоть всю тарелку съешьте.

– Нет, Лилия. Мы же решили, что сделаем вареники. Людям все надоело. Сейчас деликатесами никого не удивишь. Кому они нужны, когда они все отравлены? Рыбы хорошей нету, чтобы зафаршировать, икру достать за бешеные деньги – так где гарантия, что тебе не подсунут искусственную? Мне женщина в очереди сказала, что эта искусственная икра – форменный яд для человека. Ее делают из пластмассы. Чтоб ты знала, Лилия: все искусственное – отраву.

– Сейчас, тетя Муся, все продукты отраву. Вчера в "Вечерке" была статья про минтай – ужас! Я в жизни больше не куплю минтай!

– А я никогда не брала минтай. Если нет хорошей рыбы, я лучше совсем обойдусь без рыбы. А гадость я не возьму.

– Я делала из него тефтели в томате, получалось неплохо.

– В томате можешь кусок дерева сварить – тоже неплохо будет. Если не пожалеть лука, и зажарить его хорошенько, и дать перчика, лаврового листа, майонеза... Я могу взять вот это, – Муся решительным жестом встряхивает табуретку, – и сделать из нее деликатес. Но зачем, я тебя спрашиваю, кушать гадость с майонезом?

Лиля не знает, что ей делать: ответить или промолчать. Ах, все равно, ответишь, промолчишь – Муся свое радио не выключит. А Лиле после бессонной ночи так хочется тишины! Не спать, об этом она и не мечтает, а просто помолчать, пока внук на улице, а отец лежит спокойно в своей комнате. Лиля завидует Мише: ушел себе на работу... Скорей бы окончился ее отпуск! Впрочем... Лиля не представляет себе, как Леночка справится одна с ребенком. И с дедом впридачу.

– Что? Что вы сказали, тетя Муся? Я прослушала. Сплю на ходу.

– Ничего, – переключается Муся на новую тему. – Мальчики все кричат. Поэтому девочка лучше, чем мальчик, она спокойнее. А у мальчиков животик болит. Так устроено в природе! Надо потерпеть три-четыре месяца – и будет хорошо. Вспомнишь мои слова, Лиля. Хороший сын – не хуже, чем дочка. Когда я ходила беременная с Ромочкой, мне врачи сказали, что это двойня, и я, дура, плакала: как я буду справляться с двойней? Как будто мне плохо было бы иметь двух таких сыновей, как Рома. Разве плохо было бы, Лиля?

– Рома – чудный парень, – искренне отзывается Лиля.

– Вот. А было бы два таких. Два таких сына. И два таких мужа кому-то. Мне вот Жанночка пишет, – Муся достает из кармана мягкое письмо, но не разворачивает его, а цитирует по памяти. – "Мама, – она мне пишет, – я самая счастливая, мама! Иметь такого мужа, как Рома! Пусть я поздно вышла замуж, после всех подружек, зато теперь они все мне завидуют, мама. Я бы еще десять лет осталась старая дева, чтобы дожидаться такого Рому!" А что же!

– О чем говорить! – подхватывает Лиля. – Ей просто-таки повезло. В ее возрасте...

– И ему повезло, – перебивает Муся, и голос у нее – торжественно-справедливый. – Жанночка – очень хорошая девочка! Она ко мне относится лучше, чем моя Аделина! А главное – дети. Дети – это все для семьи. Если бы у Стеллы был ребенок, у нее бы не было времени заводить любовников.

– Да, Стелла, наверно, локти кусает...

– Зачем? Мне не надо, чтобы она локти кусала. Она моему сыну только лучше сделала. Пусть живет себе со своим латышом. Ее мать мне говорила: "Я больше знать не хочу Стеллу, что она такое сделала! Мне в глаза людям стыдно смотреть!" Я ей сказала: "Что значит: вы ее не хотите знать? Это ваша дочка!" Я ее видела недавно в городе, сваху. Я заходила в гастроном, а она как раз выходила. Пришлось остановиться. "Вы знаете, Стеллочка вышла замуж за того латыша". Очень хорошо. А мне какое дело? Я ей про Рому ничего не сказала, что у него уже двое дочерей. Зачем лезть человеку в больное место? Мой сын тоже виноват, что она стала бездетная. Он ей все оставил: облигации, подарки – все. И я не сказала ни слова. Конечно, она пострадала. Три операции – это не шутка. Я тебе скажу: вся беда – от этих противозачаточных средств! Все равно женщина беременеет, но уже беременность у нее ненормальная. Ты так и скажи Леночке, чтобы она эти глупости не повторяла. От них нематочные, от них – все.

– Что я ей буду говорить, тетя Муся! – Лиля протыкает вилкой картошку и гасит огонь под кастрюлей. – Кто сейчас слушается матери? Вы мне скажите: какая была необходимость выскочить замуж в восемнадцать лет? Только-только поступила в институт, с таким трудом – и вот...

– Ничего. Все кончали институт с детьми. Муня кончал с детьми. И... Митя. И Фаечка сдавала госэкзамен беременная.

Лиля чуть не роняет вилку от изумления. Что бы это значило? Столько лет тетя Муся делала вид, что навеки вычеркнула из памяти имена Полиных детей... Стоило заикнуться о ком-нибудь из них, и она демонстративно выходила из комнаты. Ничего не хотела знать о "предателях Родины". И вдруг... С чего такая перемена? Наверно, Рома решил демобилизоваться...

Лилю охватывает болезненное возбуждение. Стыдно – но ничего с собой не поделаешь. Так всегда бывает, когда готовишься сообщить кому-то ошеломляющую новость. Какая бы плохая она ни была.

Некоторое время Лиля борется с соблазном. Шкурка плохо снимается с картофеля, надо бы подождать, пока остынут. И как это Муся умудряется так спокойно доставать их из кастрюли, держать на ладони? Или у нее там вся кожа ороговелая? Интересно, что вообще известно Мусе? Лиля боится испугнуть тетку, но не выдерживает.

– Тетя Муся, вы про Изю знаете?

– Про Изю... – здоровенная Мусина рука застывает прямо в кастрюле среди горячего пара. – Я все знаю. И про Изю, и про всех. Хорошо, что мои родители и моя сестра спят себе на кладбище и ничего не знают. И Фиме покойному повезло, что он там успел вовремя умереть, в Израиле. А то бы он не выдержал!

– Ой, тетя Муся! Человек все выдерживает. Я помню, когда моя мама слегла, люди меня старались подготовить: ничего, мол, тебя куда-то устроят, папа вернется с фронта... А я думала: если мама умрет – я тоже умру. Или наложу на себя руки. И не умерла, как видите. Я вам больше скажу, тетя Муся...

Лиля умолкает. Сама не знает, почему ей вдруг захотелось рассказать то, в чем она всю жизнь молчала. И почему именно Мусе?..

– Через несколько дней... я была уже рада, что она умерла. В детдоме меня кормили... И даже... я... иногда как-то со сна боялась, что она оживет и заберет меня из детдома. И я снова буду голодать. Понимаете, мама была совершенно не приспособлена к жизни...

Лиля вытирает о рукав повисшие на длинных ресницах слезы.

– Не плачь, Лиля. Ты не виновата, Лиля. Это был голод виноват, а не ты. Взрослые люди от голода сходили с ума. Детей своих ели. Но то был голод. А это – что? Зачем им было ехать в эту границу, я тебя спрашиваю? Разве они тут голодали? Я тебе скажу: это из-за Фиминой глупости умерла его любимая дочка, и сын, и невестка, и зять!

– А Додик тут при чем? – Лиля удивленно останавливается среди кухни. – Он-то куда не уехал. Я о нем, знаете, не сильно плачу.

– Не говори так, Лиля, – Муся назидательно возвышает голос. – Он был плохой муж для Риночки, но он тоже человек! Он тоже чей-то сын! Спроси его мать: она хотела, чтобы он умер такой молодой? От такой страшной болезни?

– Кто ж тут виноват? – разводит руками Лиля. – Бог, что ли?

– Да! – все сильнее расходится Муся. – Перед матерью даже Бог виноват! Все зло на свете от того, что никто не думает про мать! Не ты его родил, не ты его вырастил – не смей поднимать на него руку! Ты думаешь, если Изя мой племянник – так я его оправдываю? Хорошо. Бэлла-таки не вела себя, как полагается порядочной женщине. Так брось ее! Но какое право ты имеешь ее так наказывать? Мерзавец такой! Что ты ножом размахался? Где ты видел такое? Твоя мама так делала? Твой папа так делал?

Муся вдруг умолкает. Нож часто стучит по снопу зеленого лука, крепко придавленного к дощечке. Лиля невольно задерживает взгляд на ее красивых, размеренных движениях. Если бы у тетки голова была такая умная, как руки! Сил нет ее слушать! И вообще: зачем было затевать разговор об Изе? Просто никак этот ужас не идет из головы. Чтобы в твоей собственной родне случилось такое... Хотя Лиля всегда считала, что Изька сумасшедший. Недаром его и суд признал сумасшедшим. А Бэлка? Разве она не называла его сто раз "мой мышигене"? Вышла за него ради квартиры, ради прописки – терпи. Не можешь терпеть – уходи. Ну пусть в первый раз ее уломала тетя Поля. А второй раз – кто заставил ее снова сходить с ним? Ведь сама достала где-то его канадский адрес и стала забрасывать письмами. Видно, иначе никак не получалось уехать. Впрочем... Может, и напрасно она грешит на Бэлку.

Лиля вздыхает смяченно. Все-таки дети. Возраст. Увидела, что никто ее, красотку, не выхватывает замуж, а гулять надоело. Вполне возможно, что у нее в Канаде и не было никого. Изьке вечно мерещилось, что от нее все без ума. А что в ней, в сущности, было? Ужимки... Довольно вульгарные...

Ей вдруг ясно представляются густые брови Бэллы, ее черные усики, тугая и круглая фигурка, всегда тесно обтянутая одеждой, как спелый плод кожурой. Господи! Да ведь она просто звала пырнуть себя ножом! В Лилином воображении снова возникает сцена убийства, похожая на

омерзительный половой акт – и какая-то дрянь внутри Лили откликается, соучаствует в каждом ударе... Ужас! Что только ни бродит в нас!

– Вы знаете, тетя Муся, мы не станем делать салат из помидоров. Жарко. Он быстро потеряет вид, и никто его не будет есть.

– Как хочешь, – пожимает плечами Муся. – Всю жизнь резали салат из помидоров – и ничего. Но что же нам делать теперь? Все уже готово, только заправить осталось. Тесто на вареники месить – рано. Утки ставить – рано.

– Почему, тетя Муся? Уток мы сейчас начиним и зашьем, а в духовку посадим позже.

– Хорошо, – соглашается Муся. – Как ты хочешь – так и будем делать. Я у тебя не хозяйка, а помощник повара.

– О чем вы говорите, тетя Муся! Какой помощник! Вы у нас главный шеф-повар в родне!

– Смотри, чтоб я с тебя зарплату не попросила, как шеф-повар! – расцветает от этой шутки Муся.

– Давай мне рис, лук, все, что надо.

– Я рис еще вчера сварила, как вы учили.

– Правильно, – одобряет Муся. – Такие вещи лучше делать накануне. Это небольшое дело – сварить рис, но когда каждая конфорка на счету, так этот рис – как находка. Можно еще лук с вечера зажарить на фарш, но я больше люблю, когда он только-только зажаренный.

– Я его жарила сегодня ночью.

– Ночью?

– Ну да. Я же вам говорю: мы уже забыли, что значит спать ночью.

– Спите по очереди. Сменяйте один одного.

– Мы так и делаем. Но кто может спать, когда ребенок все время кричит?

– Сегодня будете спать. Ты мне только напомни, когда люди будут расходиться. Я что-то сделаю.

– Я уже волнуюсь. Они давно должны были вернуться.

– Ничего. Пусть гуляют. Воздух – это главное для человека.

– Какой тут воздух!

Лиля с досадой щурится в окно. Машины, машины, в одну, в другую сторону...

– Все равно, Лиля. Чтоб ты знала: какая ни пыль на улице, все равно там лучше дышать, чем дома. В квартире один и тот же воздух, и все его дышат туда-сюда, и легкие не чистятся, а только пачкаются. Это как стирать белье в маленькой мисочке. Знаешь, как раньше стирали? Прямо в речке. В Старороманове женщины выходили полоскать на Десну. Там были специальные мостки для стирки. Точно так и воздух. На улице воздух общий, для всей земли. Там есть плохое, но там есть и все хорошее, что нужно. Поэтому на улице ребенок спит, а дома плачет.

– Он же там мокрый спит! Не дай Бог, опреет.

– Не опреет. От детской мочи только польза. Если бы дети болели от мочи – все были бы больные. Я говорила Фиме покойному, чтобы он пил от язвы мочу от детей, но он же никого не слушал, Фима.

– Брезговал.

– Брезгал? От детей? От таких детей? – Муся даже как-то разрастается от удивления. – Ты помнишь этих детей?!

– Помню, – вздыхает Лиля.

На самом деле – не очень-то помнит. Если бы не фотографии с Фаечкиной свадьбы – и вовсе бы забыла. А так – нет-нет, да и попадется под руку: Фаечка в белом платье, с фатой на верхушке прически. Тонкие губы растянуты в младенческой улыбке. Слева – две девочки с букетами, справа – два мальчика... Господи, если бы кому-то сказали тогда, что эти мальчики в коротких штанишках, с бантами на шейках будут требовать для своего отца смертной казни! И где? В каком-то канадском городе, у которого и названия не запомнишь! Как страшно! Может, все это произошло на их глазах... Нет. Вряд ли. При детях он мог бы один раз пырнуть ее. Ну, два. Но не двенадцать.

Лиля ненавидит себя за это любопытство – и все-таки снова не выдерживает.

– Тетя Муся, а вы не знаете, как это произошло... ну... с Изей. Он ее застал на чем-то или ему кто-то сказал?

– Не знаю, – каменным голосом пресекает Муся, – и знать не хочу.

Муся запускает руку в миску с потрохами, приготовленными для фарша. Рука скользит и сытно чавкает, что-то выскивая.

– А печенок что, не было?

– Они у меня в морозилке лежат. А зачем они вам, тетя Муся? Они же быстро портятся.

– Дай. Я их отгаю под краном. Портятся! Люди съедят, пока оно остынуть не успеет, не то что испортиться. Может, какой-нибудь кусочек мяса тебе и останется на завтра, но фарш – никогда. В утке фарш – это самое вкусное, такое, что все любят. Я тебе такой сделаю фарш, что ты не ела в жизни! Ты мне только дай еще перец и изюм.

– Изюм?

– Изюм, изюм. Не бойся, я тебе плохо не посоветую. И еще несколько кислых яблочек.

– Ой! Тетя Муся, я не люблю птицу с яблоками.

– Ты не знаешь, что я хочу делать. Не надо строить из утки яблочный компот, но дать немножко для кислоты надо обязательно. Утка – она же сладкая, она... – тетя Муся ищет слово, – жаркая, от нее душно, когда ешь. Ты попробуешь – и всегда будешь готовить утку, как я говорю. И не надо мясорубки: лучше нарезать мясо на мелкие кусочки, чтобы не терялся вкус.

Муся крошит потроха. Стучит по доске нож. Чуть сердито. Лиле кажется, что тетка продолжает думать о ее бестактном вопросе. Тук, тук, тук...

– Застал! – вдруг раздражается гневным сарказмом Муся. – А хоть бы и застал! Ромочка Стеллу прямо в постели застал с чужим мужчиной! Цветочки хотел ей занести. Сюрприз. А она ему сама сделала сюрприз. Так что? Он ее бил ножом? Он ее пальцем тронул?

Лиля с тайным вздохом готовится услышать знаменитую историю о благородном поведении Ромы.

– Он ей сказал: "Это первый раз, и я тебя прощу, если ты сейчас скажешь, что это не повторится!" Она стоит и молчит. Значит – все. Значит, она хочет развод. Он приехал ко мне и плачет вот такими слезами, – Муся вытягивает кверху курносый толстый палец. – "Как это так, мама! Я к ней так хорошо относился! Сколько женщин ко мне заигрывали, я никогда себе ничего не позволил, а она такое сделала!" Понимаешь, ему главное обидно, что это она сделала, а не он! – злорадно хихикает Муся, так что у Лили рот открывается от неожиданности. – Потому что все они считают, что им можно, а женщине нельзя. Если бы он ей был бы изменял, ему бы не было так обидно. Мой первый муж тоже говорил: "А что такое? Это просто так!" Изя тоже, конечно, имел кого-то, пока она не приехала. Можно подумать, ты жил без нее, как монах! Что же ты хватаешься за нож?!

Муся бросает свою работу и становится посреди кухни, растопырив руки, облепленные жирным рисом и кусочками жареного лука.

– Все беды от мужчин. Все беды и война – от них, потому что они не знают, что такое ходить беременной и что такое родить! Если бы они попробовали один раз родить, они бы не послали человека воевать под пушки, как вот этот кусок мяса! – Муся встряхивает за ноги утку. – Приходят к тебе и требуют: "Отдавай нам своего ребенка! Нам надо приставку, чтоб винтовку носить!" По какому праву? Кто они такие? Я могла аборт сделать! Кто бы им тогда носил винтовку? Риночке врачи говорили сделать аборт с Милочкой. Ей было плохо с сердцем. Она не захотела. Она сказала: "Лучше я умру от родов, чем проживу бездетную жизнь!" А какой у нее был мастит! Ее же еле спасли, Риночку. Только она стала поправляться – на тебе: у ребенка воспаление легких. И круп. Ты знаешь, что ей вскрывали горлышко? Так ты мне скажи: она так рисковала, Риночка! – имел кто-то право взять эту Милочку в армию подвергать опасности?! Изуродовать! Сделать калекой! Чтобы мать узнала и умерла от сердечного приступа! Ты мне скажи!

Муся ложку за ложкой запускает фарш в распяленное утиное чрево.

– Смотри, Лиля, я вот тут отдираю от мяса шкурку и сюда тоже можно класть пару ложек фарша.

Утки раздаются на Лилиных глазах, причем шкурка на них, вопреки Лилиным ожиданиям, не лопаются. Муся высоко поднимает ладную тушку, нянчит и подкидывает ее, как младенца.

Дверца духовки закрывается за двумя одолженными утятницами.

– Что мы можем еще сделать? – раздумывает Муся, намыливая руки. – Давай я тебе быстренько выстираю пеленки.

– Да что вы, тетя Муся! Когда гости уйдут, я этим займусь.

– Лиля! Ты тогда будешь такая усталая, что пожалеешь об этом. Это же быстро. Я за двадцать минут все сделаю. Ты знаешь, как я стираю пеленки? Я хочу тебя научить.

– Тетя Муся! – не выдерживает Лиля. – Идемте, я вам покажу.

Она ведет Мусю в Леночкину комнату, откидывает простынку с аккуратной стопки выглаженных пеленок.

– Разве они плохо постираны?

– Хорошо, – едва взглянув, определяет Муся. – Но я тебе покажу, как делать, чтобы было лучше.

Я всегда...

Звонят в дверь.

– Что ты так долго, Ленка!

Леночка осторожно пронесет через двери нарядный сверток с кружевами и лентами.

– Спит. Может, его не беспокоить, пока не проснется? Давай его прямо здесь положим.

Лиля складывает из подушек надежное гнездышко.

– Клади, – еле шепчет она, но младенец, едва коснувшись дивана, издает пронзительный крик, режущий уши.

– Вот видишь, – освобожденным голосом сетует Леночка. – А если бы я еще час сидела в парке, он бы еще час спал.

– А пеленки? Смотри, какой он мокрый! Бедный мальчик! Даже шапочку прописял! Ах ты вредная мама! Попробовала бы сама поспать в такой луже!

Лиля сгребает в ком мокрые пеленки.

– Отнеси тете Мусе, она их там стирает в ванной.

Леночка высоко поднимает брови. Лиля разводит руками.

– Я просила ее не делать этого, но ее же не переспоришь!

– А по мне – пусть бы хоть каждый день приходила стирать. Только чтоб меньше говорила.

– Тс-с! – Лиля испуганно прижимает палец к губам.

– Да ну! У нее там вода хлещет.

Вода и в самом деле шумит на всю квартиру, будто Муся устроила в ванной водопад. Леночке это кажется просто невероятным, но тетка стоит на совершенно сухом полу, а не в воде по колено.

– Теть Му-уся!

– А-а, Леночка! Принесла добавку? Давай, бросай сюда!

Тряпки падают в воду, вздымаются мокрыми пузырями. У Леночки даже появляется желание самой запустить руки в ванну.

– Как у вас все ловко получается!

– У меня! – вскидывает подбородок Муся. – Это что! Это же пеленки! Ты бы посмотрела, как я стираю белье! У меня есть машина. Дядя Даниил купил мне. Но я не признаю машины. Они только рвут все раньше времени, а вида нет. Я люблю, чтоб белье было такое... Оно у меня не просто белое, оно... оно у меня всеми цветами переливается! Как перламут! Все соседки идут смотреть на мое белье, когда я вешаю! "Марья Яковлевна! – они мне говорят. – Мы первый раз видим, чтобы еврейка так стирала!" Ко всему надо руки приложить. Я люблю все делать руками. Если бы я жила к вам ближе, я бы тебе каждый день могла постирать пеленки. А так уже ты меня извини: у меня все-таки возраст...

– Да что вы, тетя Муся! С какой это стати вы мне должны стирать пеленки!

– А почему нет? Что ты мне – чужая? Мишенька рос на моих глазах. Он мне как второй сын был. Особенно когда Фаня умерла, его мать. А если бы Самуил с фронта не вернулся, я бы его усыновила. А хоть бы даже ты мне была чужая! Чужим тоже надо помогать. Сколько я делала для Рахилечки! Помнишь, у меня была горбатенькая соседка? Потому что она человек была, Рахилечка, а не что-нибудь! А кто, ты мне скажи, должен был из-под нее горшки носить, если у нее никого нет на всем свете? Тем более что я была одна еврейка из всех соседей. А если бы я вот так лежала и ждала, чтобы кто-то м н е помог? Каждый должен знать, что с ним тоже может такое случиться. Теперь вот у мужа Катерины Степановны паралич. Так что, она будет ждать, пока дочка приедет с Русановки его купать? А если у меня сын вообще на Дальнем Востоке? Я тебе желаю, чтобы твой такой вырос, как

мой. И невестка хорошая, и внучки. Но они все далеко, Лена. А соседи – рядом. Надо уметь жить с соседями по-человечески. Даже если они сволочи, как был один у тети Поля покойной. Из-за него, Лена, вся семья развалилась, но я не его обвиняю, а их. Они думали, Казик будет радоваться, что Поля умерла. Это дураками надо быть! Радоваться! Он через минуту забыл, что толкнул ее в грудь. И забыл, что он ей сказал. А я бы ему наоборот – напомнила, чтобы его совесть съела заживо!

У Леночки темнеет в глазах, колени подкашиваются, но ей удается удержаться на ногах, преодолеть обморок.

– Извините, тетя Муся, мне что-то нехорошо.

– Да. Ты какая-то бледная. Пойдем. Тебе надо поесть. Я скажу Лиле: ты плохо кушаешь.

Муся за локоть выводит Леночку на кухню, усаживает, накладывает на тарелку салат, намазывает маслом хлеб.

– Ой! Зачем так толсто!

– Ешь. Ты должна набрать после родов силы. Вкусно, правда? То-то. Жалко, что у тебя нет молока. Но зато ты можешь кушать все подряд. Моя Аделина сидела голодная: у Женечки на все продукты был диатез. А я, когда кормила, кушала все подряд. Тогда другое время было. Никто не боялся этого диатеза – и его не было у детей. Я же не только своего кормила. У меня было столько молока, что всем вокруг хватало. Я только говорила: "Приходите, когда мужа не будет дома". Он боялся, что меня сглазят. А найти себе любовницу он не побоялся.

Лена чувствует, что сейчас у нее начнется истерика с криком. Просила же маму не звать в помощь Мусю! Как-нибудь сами бы справились. Договорились ведь: ничего особенного не будет. Позовем на вареники самых близких, пару сотрудниц с работы. Так нет. Добавились утки. Паштет. Вот пускай теперь крутится сама со своей теткой, а Лена пойдет и ляжет спать! Сейчас она может спать под пушечные залпы. Даже под плач ребенка. Если бы деда можно было оставлять с ребенком в парке, насколько все было бы проще! Ой! Хорошо, что вспомнила про деда. Надо маме сказать.

– ... я всегда говорю: лучше всего, как было от природы, – развивает Муся одну из своих нескончаемых мыслей. – Правильно я говорю?

– Правильно, – уже из коридора отвечает Лена. Но Муся направляется за нею следом.

– Как вам нравится? – Лиля выходит им навстречу с новым ворохом пеленок. – Только что перепеленала его – и он снова мокрый.

Муся с удовольствием наблюдает за тем, как Лиля продевает в рукавчики распашонки грозящие кулачки.

– Мам! – Леночка что-то шепчет на ухо матери.

– Ой! То-то мне показалось, что от него какой-то запах, – расстраивается Лиля. – Только этого мне сегодня не хватало!

– Что, у папы что-то не в порядке? – догадывается Муся.

– Да. Его надо искупать и переодеть, а Миша раньше шести не вернется.

– Зачем тебе нужен Миша, когда есть я? Чтоб ты знала: как я его вымою, так Миша никогда его не вымоет.

– Он не согласится, – колеблется Лиля.

– Согласится. Вот я с ним поговорю.

Муся стучится к старику.

– К вам можно, Исаак Аркадьевич?

– Пожалуйста, пожалуйста...

– Ну что?

Мать и дочь смотрят друг на друга и вдруг заливаются смехом.

В передней щелкает замок, и Леночка спешит туда.

Лиля прислушивается к воркованью детей за дверью. Дай Бог им так прожить всю жизнь.

– Мам! – заглядывает в комнату похорошевшая Леночка. – Одевай ребенка, а я Гарику приготовлю бутерброд с собой.

Дверь за детьми захлопывается, в доме становится тихо. Лиля заглядывает в комнату к отцу, потом в ванную.

– Дети... ушли, Лиля?

– Ушли, папа, ушли.

– Хорошо, пусть гуляют.

Говорит старик так, будто с трудом жует что-то пресное. Лиле нестерпимо жаль отца. Скрыл, побоялся ей сказать. А теперь вот его раздевает посторонняя женщина... Бедный, весь дрожит от стыда.

– Давайте я сама, тетя Муся.

Лиля осторожно разгибает согнутую руку, начинает стаскивать рукав.

– Оставь, Лиля. Нельзя человека раздевать вдвоем, чтоб ты это всегда знала.

Муся бестрепетной рукой спускает на пол едко пахнущие трусы.

– Не бойтесь, Исаак Аркадьевич, не надо дрожать. Я вас удержу лучше, чем Миша. Обнимите меня за шею.

Лиля ставит в ванну здоровую ногу отца, затем больную, придерживает, пока он садится.

– Ну что? Что сложного? – торжествует Муся. – А ты боялась!

В самом деле, все произошло как-то легче, чем обычно.

– Иди, Лиля. Нечего держать его. Папа сам держится. Вы по сравнению с Николаем Ивановичем герой, а я его теперь вообще сама купаю: жена перенесла инфаркт. Это соседи мои, – Муся крепко трет мочалкой дряблое волосатое тело. – Рядом с Николаем Ивановичем вы еще молодой, интересный мужчина.

Старик виновато косится на свой поплавок, туда-сюда мотающийся в беспокойной воде.

Лиля прикусывает губу, уходит. Старик чуть приободряется. Без Лили не так стыдно. Муся трет его крепко, по-мужски, как бывало когда-то в коммунальных банях.

– Обидно, Марья Яковлевна! Помню, в молодости ходили с другом в парную. Я парную очень любил. Брала с собой тараночку. А теперь меня надо обслуживать, как маленького ребенка...

– Ничего, Исаак Аркадьевич! Николай Иванович тоже после инсульта, а он в сто раз хуже, чем вы. Лиля вас сама доводит до ванны, а его приходится вести вдвоем.

– Это не самое страшное... – убито вздыхает старик.

– А-а! Вы вот что имеете в виду! – догадывается Муся. – Чтоб вы знали: от этого скорее лечат, чем от инсульта. Мишенька тоже когда-то пиялся. Я вам честно скажу: я не верила, что его вылечат. Мама покойная один раз отвела его к врачу – и все как рукой сняло. За один раз! Надо верить врачу!

– Да я верю. Но врач ничего не сделает без операции. А идти под нож страшно, Марья Яковлевна!

– Если нет другого выхода – не надо откладывать, Исаак Аркадьевич! Не надо оставлять плохое на десерт!

– Как же не откладывать, Марья Яковлевна! У Лилечки такое тяжелое положение! Ей уже скоро выходить на работу, а как оставить на Леночку ребенка?

– Лиле всю жизнь достается. Плохо без мамы. Слава Богу еще, что папа хороший. Разве вы для нее не делали все, пока могли?

– Да, – вздыхает старик. – Все для нее старался, как лучше. Я же с фронта пришел молодой мужчина. Нравился женщинам. Сколько было таких, что хотели выйти замуж... А я из-за Лилечки боялся. Чтоб они ее не обидели. А теперь я вижу: надо было найти порядочную женщину, когда Лиля уже выросла. Хочу умереть! Лиле тяжело меня обслуживать...

– О чем вы говорите! – расходится Муся. – Лиля такая дочка, что поискать надо! Никакая женщина не будет за вами так смотреть! И вообще, женщина в нашем возрасте не очень хочет за кем-то смотреть. Это только если прожили вместе жизнь. Зачем вам далеко ходить? Возьмите нашего Самуила. Кто за ним смотрел, когда он слег? Его ведьма лупатая? Она, видишь ли, брезгала! Она звала его сыновей. А забрать у сыновей сервиз, который их мать имела еще до замужества, она не брезгала. Забрать ковер! Тамарины подушки, что мы вместе в монастыре заказали! Она Тимурчика звала, чтобы подал отцу стакан воды. Она, видишь ли, устала! Она только вещи таскать не устала, сволочь такая! Когда она увидела, что не может забрать у Тимура квартиру, она же все оттуда вынесла! Тимур пришел из института – а в доме пусто, как после погрома! Она приехала с сыном на машине и все вытаскивала из дому, а Самуил лежал, бедный, плакал и ничего не мог сделать. Она у него из-под головы вытащила пуховую подушку, и он умер на ватной какой-то подушке. Я нарочно

потрогала. Как камень! А вы говорите: "порядочная женщина". Лучше иметь плохих детей, чем взять плохую жену! Или мужа. Я вам скажу: если бы моя Эллочка была бы не умерла в эвакуации, я бы не вышла даже за Данечку!

– Напрасно! – заволновался старик и затряс намыленной головой. – За Даниила Марковича – можно. Он бы не обидел ребенка. Он добряк!

– Это я лучше всех знаю! Он такой человек, что все отдаст другим. Вот я делала вчера вареники с вишней. Я их сделала штук сто, наверно. Все равно он должен взять из своей тарелки и положить зятю, чтобы зятю было больше! Я ему говорю: "Даниил, – говорю, – ты мне не меньше дорогой, чем он". А он говорит: "Мама! Он молодой. Ему больше хочется". Ли-и-ля! – вдруг вспоминает о чем-то Муся. – Ли-и-ля!

Испуганная Лиля распахивает дверь ванной.

– Что? Что случилось?

– Ничего не случилось. Что ты всегда пугаешься? Я хочу, чтобы ты без меня не замесила тесто на вареники.

– Нет-нет, тетя Муся, что вы! Я буду ждать вас, – обещает Лиля и уже на кухне тихо добавляет, подмигнув Леночке: – Куда мне замесить тесто на вареники! Разве я сделаю так, чтобы все соседки бегали смотреть?!

– Да! – подхватывает Леночка. – Они же должны светиться! Как перламутровые!

Лиля обнимает дочку, и они беззвучно хохочут.

– Ничего, Ленка, пусть. Нам не мешает отдохнуть. В случае чего придут мои девчата, налепят все это за десять минут.

Но лепить вареники нам не пришлось.

Я думаю, что наше с Лилей знакомство ограничилось бы болтовней на Фаечкиной свадьбе, если бы я в то время не искала работу. Лиля переговорила со своим начальством, и меня взяли как Лилину родственницу. Впрочем, и Лиля в то время считала, что моя мама не то племянница, не то сестра дяди Даниила. Возможно, из-за подчеркнутой галантной нежности, с которой дядя Даниил относился к маме. Эта нежность вызывала у тети Муси некоторую досаду, стремление тут же всем доказать, что она главная, незаменимая, что без нее дяде Даниилу и шагу не ступить. Помню дурацкую сцену на именинах Ромы. Она вдруг начала рассказывать, как спасла дядю Даниила, когда он лежал с инсультом – и так разошлась, что притащила в комнату зеленое судно, стала размахивать им, при этом еще и весьма натурально воспроизводя звук, которым дядя Даниил вызывал ее, когда нуждался в этом предмете. Дядя Даниил бурно покраснел всем лицом, всей лысиной. Но на тетю Мусю он не обиделся. Ему самому было смешно, и он с трудом подавлял свою милую, скошенную как бы от стеснения улыбку.

Когда дядя Даниил чуть больше привычного выпивал, он иногда предлагал моему папе меняться женами. Эту шутку тетя Муся не переваривала, хотя с годами могла бы и успокоиться: в зрелом возрасте она стала гораздо красивее мамы. Монументальность и прямо-таки грозная мощь форм, которая старила и огрубляла ее в молодости, обратилась роскошной статностью. Теперь она носила строгие цельнокроенные платья, которые шли ей гораздо больше, чем прежние, отрезные, с поясами на произвольно установленной талии. Завела себе серьги и цепочку, покрасила волосы в темнорыжий цвет...

Девочки, наши сотрудницы, очень удивились, когда увидели, как эта государственная дама метет огрызком веничка асфальт перед Лилиным парадным. Тетю Мусю несколько не смутило, что ее застали за этим занятием. Она заулыбалась мне еще издали, пошла навстречу, горячо расцеловала, стала расспрашивать о родителях и вообще всячески давала понять зрителям, что она мне гораздо ближе, чем Лиля.

– Вот видите, – обратилась тетя Муся к моим спутницам, как к старым знакомым. – Я ее месяц назад звала на внучкины именины – так она не могла прийти. А к Лиле смогла!

– Но это же такая дата! – вступилась за меня наша бухгалтерша. – Серебряная свадьба! И ребеночка мы еще не видели. Уже месяц, как собрали деньги – и никак не вручим.

– Ладно, ладно, – простила меня тетя Муся. – Пойдемте уже. Только не говорите им, что я тут немного почистила. Они думают, если это общая лестница, так стыдно ее подмести. К тебе же люди должны прийти! По-моему, стыдно, когда к тебе люди идут, а у тебя в парадном семечки налузганы. Я правильно говорю?

Все ее поддержали.

– Грязь на человеке не налипает, – продолжала тетя Муся. – Любую грязь можно отмыть с рук, и руки будут чистые. Я не боюсь грязной работы. С меня корона не упадет. Если у них дворник свинья, так я не хочу быть тоже свиньей. Правильно?

Девочки со всем соглашались. Чувствовали они себя неловко. Нас пригласили на скромный вечер с варениками, которые мы сами же собирались лепить, а выходило что-то серьезное, с родней, с подметанием лестницы...

Мне было совсем скверно. Не потому, что я боялась Лилиных родственников. Накануне мама затащила меня в синагогу, и там какой-то старик – мама едва знала его – рассказал нам, что Изя умер от инфаркта "в специальном сумасшедшем доме для преступников". Старик даже показал вырезку из канадской газеты с фотографиями Изи и его сыновей. Под фотографиями был нацарапан чернилами перевод: сыновья Изи в очередной раз потребовали для него смертной казни, но тут Изя внезапно скончался и все разрешилось само собой. Мама сказала, что рада за Изиных родителей, которые не дожили до такого горя. Тогда совсем уж незнакомая женщина, стоявшая рядом, спросила, знаем ли мы о том, что и Рина умерла от сердечного приступа. Мама сказала, что знаем. И женщина, как сюрприз, выложила еще одну новость: что теперь умерла дочка Рины "от какой-то израильской болезни". Женщине об этом написала родственница из Хайфы, которая не очень хорошо их знала и поэтому не сообщила, которая из них умерла: "та, что покалечилась в армии, или младшая". На это старик заметил, что лучше бы старшая, "раз уж ее все равно изуродовали".

Я никогда не была привязана к Риноккиным девочкам, но это известие поразило меня. И все маячили перед глазами их белые платица, съехавшие банты, пухлые локотки в ямочках. И от того, что неизвестно было, которая умерла, казалось, что умерли обе.

Я решила, что расскажу об этом Лиле через несколько дней.

Лиля выбежала к нам в халате. Похудевшая, усталая. Она нам очень обрадовалась. Помощь наша была уже не нужна: в духовке доходили утки, вареники стройными армейскими рядами покрывали несколько досок. Оставалось только бросить их в воду в положенное время.

– Зачем же мы так рано пришли? – смутились девочки.

– Хорошо, что рано! Мы хоть поболтать успеем, пока родня соберется.

Меня, как всегда, отправили на кухню раскладывать на блюдах овощи. В мисках лежали крупно нарезанные помидоры и огурцы, пышные вороха зелени. Из помидоров я сложила громадные цветы, наподобие георгинов, из огурцов – листья. Редиски на изогнутых ветках укропа изображали ягоды.

Я слышала, как собираются гости. Загудел в коридоре дядя Даниил, залопотала картаво Аделина. Какой-то парень прочел нескладное поздравительное стихотворение. Оказалось, что это никакой не парень, а Мунина жена. Она прошла на кухню за вазой для цветов, увидела меня и очень обрадовалась.

– Ой! А я все время спрашивала о вас у Муньки! Мы уже думали, что вы уехали.

– Кому я там нужна...

– С вашим вкусом, с вашим талантом, – серьезно протянула она, глядя на мою "флорентийскую мозаику". – Такую красоту есть жалко...

Нововведение имело у гостей большой успех. Даже тетя Муся похвалила.

– Теперь мы тоже будем так делать, да, Аделина?

Аделина согласно кивнула.

Она, как и тетя Муся, хорошела с годами, и беременность ее совсем не портила. Но это была какая-то странная, невыразительная красота. Не женщина, а задрапированная колонна. Рядом с ней сидела ее маленькая моложавая свекровь и благоговейно ухаживала за Аделиной, как жрица за идолом. Раз в полчаса она приподнималась и целовала невестку в розовую щеку. Муж Аделины

держал на руках пятилетнюю дочку. За ним, на самом углу, устало горбился Муня, рано постаревший, с седеющей бородой, которая очень шла к его огромным сиротским глазам.

Я села с нашими девочками, но Тимур попросил меня поменяться с ним местами: он стремился поближе к телевизору. Тимур возмужал, огрубел, как бы припрятал поглубже темное очарование матери. Мы перебросились несколькими словами. Он спросил, почему я не привела мужа и сына, я ответила, что рада от них отдохнуть.

Общий разговор не складывался. Сначала гости, по большей части явившиеся прямо с работы, слишком углубленно занялись едой, потом начался важный футбольный матч, и мужчины забыли, зачем собрались. Развернули стулья к экрану и стали громко обмениваться впечатлениями... Уйти от них было некуда: в спальне Леночка кормила ребенка, комната старика была плотно прикрыта.

– Любой праздник испортят своим телевизором! – посетовала Лиля. – Хоть бы он сломался!

Она решила развлечь нас демонстрацией детского приданого и притащила полную торбу забавных вещичек. Особенно всем понравился пушистый комбинезончик в коричнево-белую полоску.

– Вот умеют же они сделать приятную вещь! – восхитилась наша машинистка Галя. – Представляете себе, как оно будет ползать по дому с этой полосатой попкой! Вам его из Израиля прислали?

– Нет, что ты! – покраснела Лиля. – Это Ленкины однокурсницы подарили. Наверно, купили из посылки.

– А хоть бы и прислали, – не поняла Лилю смущения Галя. – Чего вы все стыдитесь, что у вас там родня?

– Мы не стыдимся. Но у нас нет с ними никаких связей.

– Они давно уехали, – включился в разговор Миша. – Тогда все боялись. Особенно тетя: у нее сын военный. Я сам боялся, что узнают на работе. У многих из-за этого были большие неприятности.

– Такое было время, – вздохнула Лиля. – А вообще-то, конечно, свинство.

– Свинство, – согласился Миша. – Да что мы! Если родной отец запретил своим дочкам, чтобы они ему писали...

– Ну, это уже чудовище, а не человек!

– Ай, – вступилась Лиля за покойного Додика, – он тут ни при чем. Это его супруга-умница написала им. Представляете? Махоньким девчонкам такое сказать! "Перестаньте морочить голову. Вы сами бросили папу. Теперь у него другая семья, а у вас больше нет папы". И еще звонит ко мне, идиотка, чтобы это я им такое переслала!

– Это она сама себе горе накаркала! – поддержала разговор Мунина жена. – Написала, что у них нет папы – и он действительно умер через пару месяцев.

– Он не за то умер, что эта дура писала такое письмо, – не выдержала тетя Муся, до того момента демонстративно не принимавшая участия в разговоре. – Его, видно, Бог за Полю наказал! Все думали, что она уже ничего не слышит и не понимает, а она все хорошо понимала. Иначе почему у него была та же болезнь и конец у него был такой же в точности?

– А что он сделал? – заинтересовались непосвященные.

– Ну что... Требовал, чтобы ее убрали из квартиры. Ему не нравилось, что в его спальне лежит человек с такой болезнью. И вообще. У Риночки было-таки тесно. Двое детей... Главное – он Фиму ненавидел. Фима же не мог без своих шуточек. Если ты живешь в чужом доме, можно не показывать каждый день хозяину, что он – дурак.

– Что значит "чужой дом"! – возмутилась Лиля. – Без дяди Фимы у них в жизни бы не было этой квартиры! Другое дело, что мирить их не надо было, и не надо было строить этот кооператив! Остались без гроша – и ради чего?

– Правильно, – согласилась нехотя тетя Муся. – Но если уже ты ему эту квартиру подарил, так ты должен помнить, что ты – гость! А не любишь быть гостем – надо дома сидеть! Нечего было устраивать комедию из-за Казика! Надо было себе спокойно умереть в своем собственном доме! Человек – как вот эта редиска! – тетя Муся вытащила самую большую редиску из моего порушенного натюрморта. – Где его посадили – там он должен расти!

– Ой, тетя Муся! – заспорила Лиля. – Можно подумать, дело только в Казике! Где бы она там лежала? В одной комнате – Фая с Мариком, в другой – Митя со Светой...

– Ну и что? А мы не жили в одной комнате с родителями – и еще двое детей? И никто не жаловался. Всем было место. Меня не спрашивали, или мне хорошо! Моя мама умерла на своей кровати, и я не врала соседям, что она уехала в... Старороманов! Кому он сделал хуже, Фима? Он же потом сидел у Риночки, как в тюрьме! Боялся выйти на улицу, чтоб его кто-то не встретил! Конечно, уже надо было уехать! Так я вас спрашиваю: из-за плохого соседа бросают родину?

– Теть Мусенька! Дяде Фиме было плевать на всех соседей! Он уехал ради Рины. Он думал, что в Израиле она устроит свою жизнь.

– Да. Он думал, ее там миллионер выхватит.

– А что? И выхватил. – В Мишином тоне уже чудилась враждебность к тетке. – Никто не виноват, что так случилось.

– Представляете, – пояснила девочкам Лиля. – Такая была чудная женщина! Красивая, добрая. И вот не везло ей всю жизнь!

Лиля не поленилась полезть в буфет и отыскать блюдце с портретом Риночки.

– Вот. – Она бережно стерла с блюдца пыль. – В жизни она была гораздо лучше.

Блюдце пошло из рук в руки. Стало тише и спокойнее, будто опустилась над столом Риночкина благодать.

– Да-а... Сразу видно, что лапочка. Миллионер – не миллионер, а хорошего мужа она заслуживала.

– В нее там влюбился очень богатый мужчина. Правда, он был намного старше. Но он умер за день до свадьбы.

– О господи! Бывает же!

– Вот такая у нее судьба несчастная, – тетя Муся демонстративно обращалась только к девочкам. Похоже было, что она обиделась на племянников. – Отец ее вывез, а сам сразу умер. И она прямо бедствовала с детьми, и никто ей не помог! Ни сестра, ни братья!

– Странно, – удивилась Галя, – евреи всегда такие дружные. У нас соседи не успели уехать – сразу стали сестрам посылки слать. Одну за другой!

– Это сюда, к нам хорошо слать посылки. Купил в уцененке пару кофточек – и мы уже счастливы!

– Евреи теперь не те, девушка, – перебила Мишу тетя Муся. – Чтобы помогать, надо совесть иметь!

– Кто там мог помогать?! – не сдавался Миша. – Что они могли сделать? Взять к себе детей? Митина кукла за своим ребенком не смотрела. А у Фаи – четверо, и один Марик работал.

– Четверо детей! – изумилась Катя. – Вот скажите: у нас может один человек прокормить четверых детей? А говорят еще, что в Израиле тяжелая жизнь!

– Они не в Израиле, – уточнила Лиля, – они в Бельгию переехали.

– А кто он по специальности?

– Он? Даже не знаю. Там он стал полицейским.

– Кем-кем? – тоненько переспросил Тимур.

Я тоже впервые услышала об этом. Да и большинство гостей.

– Боже мой! – расхохотался Тимур. – Марик – гроза бельгийских гангстеров!

– Ничего смешного, он регулировщик уличного движения. – Лиля с трудом сдерживала улыбку.

Это было еще смешнее. Сразу представлялось сонное лицо Марика под нахлобученной полицейской каской и ряды машин, движущиеся мимо него.

– Все работы надо уважать! – снова завелась тетя Муся. – Раз нужна такая работа – значит, кто-то должен ее делать! И нечего смеяться. Уборную чистить тоже нужен человек. А если дядя Фима всю жизнь фотографировал похороны, а Полю бедную посадил делать портреты на памятники – так что? Может, она, Поля, от этой работы умерла раньше времени. Копили, копили, а Фая все себе одной забрала!

– Ничего подобного, тетя Муся! Все, что было, Фая разделила поровну! Она еще свои деньги добавила Рине на билеты. А потом – с чего мы взяли, что она не помогала Рине? Я даже уверен, что помогала! Она обожала Рину и Рининых детей.

– Что ж она тогда уехала без них в Бельгию? Она же знала, что в Израиле Милочку возьмут в армию! – выбросила, как козырь, тетя Муся. – Им разве важно, что у ребенка были тяжелые зубы, что мать чуть не умерла от родов? Родила, дура, вырастила ребенка – теперь давай нам, мы из него сделаем мясо для пушек! Послали куда-то девочку, что ее потом зашивали! Десять операций на лицо! Вы шутите? И выбило все зубы.

– Не десять, а семь, – внезапно ожив, уточнила Аделина. – И зубы только передние. И вообще у тебя получается, что Рина от этого умерла, а она умерла через пару месяцев.

– Это кто тебе такое сказал? – возмутилась тетя Муся.

– Люди, – ответила Аделина и поджала губы.

– Какая разница – десять, семь... – попыталась всех примирить Мунина жена. – И так, и так жалко.

Аделинина свекровь поддержала ее.

– Действительно! Не понимаю, чего вы кричите? Зачем нужен такой разговор за праздничным столом? Женечка! Иди сюда, котик! Расскажи нам стишок.

Женечка была занята. Она обнаружила в прихожей кулек с погремушками и раскладывала их на полу.

– Же-е-ня! Ты что, не слышишь? Бабушка зовет! – прикрикнула тетя Муся.

Девочка нехотя вернулась в комнату, встала на освобожденный для нее стул и быстро затараторила: "Бабушка-Маланья! Кто-ее-не-знает! В маленькой-избушке! Век-свой-доживает!"

– Да! – с неожиданной досадой заговорил Муня, едва Женечка замолчала. – Действительно! Какая разница – семь, десять... Мила умерла или Соня... Никакой разницы! Мы себе сидим, выпиваем и делаем вид, что не знаем ни про Изьку, ни про девочек. Вы вспомните, как мы любили Милку! Это же был первый ребенок в семье!

– Что ты хочешь сказать? – разволновался Миша. – Что мы не должны были отмечать серебряную свадьбу? Откуда мы знаем, когда это все случилось? Может, это было два года назад!

– Как хотите, тетя Муся, – Муня почему-то встал, – а я завтра же звоню Петлюре и беру у него Митин адрес! Если Роме это может повредить, пусть он и от меня откажется!

– При чем тут Рома?! – окончательно обиделась тетя Муся. – Получается, что Рома не давал вам переписываться?! Чтоб вы знали, что Рома в письмах каждый раз спрашивает: "Ты что-то знаешь про них, мама? Как они там?" Я на них не за Рому обижена, что его на Камчатку послали, а я обижена за могилку за Полину, как они ее оставили! Я Рахилечке, чужому человеку, заказала красивее памятник за эти гроши, что она себе с пенсии собрала. Поля не заработала себе на приличный памятник? Не заслужила, чтобы ей цветочек посадили в оградке? Нельзя было договориться и заплатить человеку, чтоб он смотрел?!

– Тетя Муся, они знали, что вы будете ходить!

– А если бы я заболела? Или сама была бы умерла? У нее бы даже карточки на камне не было, если б она себе сама не сделала! Для этого она так тяжело работала всю жизнь?

– Может, пора уже ставить вареники? – робко предложила Лиля. – Пойдемте, девочки, поможете мне.

– Нет! – властно простерла над столом руку тетя Муся. – Вы не будете знать, когда их надо выловить! Пойдемте, я вам покажу!

Мы покорно поплелись за ней на кухню.

– Это не такое простое дело, как вы себе думаете. Плохо, когда вареник сырой, как мокрая картонка, – и плохо, когда он разлазится. Посмотрите: вот я их бросаю в кипяток. Сейчас они будут тонуть. Теперь надо подождать...

Муся почти успокоилась. Она ни в чем не виновата перед Полей. Поля сама все это заварила, сдвинула детей с места. Если бы они не уехали на чужбину, ничего бы такого не случилось. Не попал

бы Изечка в эту Канаду – и ему никогда не пришло бы в голову зарезать мать своих детей. И сам был бы жив и здоров по сей день. Не забрали бы в армию Милочку. И у Риночки тогда не случился бы этот приступ. И Сонечка не заболела бы без присмотра и не умерла бы. Муся уверена, что умерла Сонечка. И как это вообще можно было оставить двух девочек на произвол судьбы! Почему ни Фая, ни Митя не забрали их к себе? И после этого надо их искать? Писать им письма? Нет. Муся перед ними не унижится. Особенно перед Фаей, хотя она и любила Фаю больше всех. Такая была веселая девочка! Такая хозяйка! Такая деловая! Кто же мог думать, что Фая всех обжулит? Разделила поровну книжки... Господи! Да Муся в жизни не поверит, что у сестры не лежали деньги под подушкой! Поля была папина дочь и все делала, как папа. А папа учил, что сберкасса – хорошо, но всегда надо иметь деньги на руках. И жизнь это доказала. Хороши бы они были, если бы выехали в Сибирь в эвакуацию без копейки. Опухли бы и умерли от голода, как Лилина мать. С другой стороны, когда была реформа, у папы пропали все деньги, что лежали дома. Еще Поля тогда стояла в очереди в сберкассе, чтобы сдать, и не успела. Может, после этого она боялась деньги дома держать... Кто знает? Тогда Фая ни в чем не виновата. Тогда все виноваты, что не собрали у кого что осталось и не поставили памятник – такой, как Поля заслужила. Если бы у Муси были деньги, она сама поставила бы памятник, и Данечка ей слова не сказал бы. И дети бы не сказали ни слова. Но Муся знает, что сделает! Даст Бог Аделиночке разродиться – и ребеночка назовут в честь Поли.

Мусе хочется пойти в комнату и сообщить о своем решении, но тут начинают всплывать вареники.

– Смотрите! Вот они всплыли. Потом они начнут ходить по кругу, а потом они начнут вот так вот снова нырять. И тогда мы начинаем их вылавливать!

Вареники получатся прекрасные.

Через три месяца Аделина родит дочь. Ее назовут Полиной, и из-за этого произойдет ссора с Аделининой свекровью, которая рассчитывала, что ребенку дадут имя ее матери. Дойдет до того, что свекровь при гостях назовет Аделину малоумной и будет передразнивать ее картавый говор. А Аделина обзовет свекровь лысой заразой, сорвет с нее парик и швырнет его в блюдо с салатом "оливэ". Расстроенный дядя Даниил повезет внучку на Владимирскую горку. Там на крутом спуске у него закружится голова, он рухнет на дорожку, и коляска покатится вниз, как в знаменитом фильме. Прежде, чем прохожие опомнятся, ребенок выпадет на асфальт. Аделину с ребенком отвезут в больницу. Врачи не обнаружат у девочки никаких повреждений. Но дядя Даниил не поверит в это. Огромный и легкий, как дирижабль, он сядет на диван и выдохнет воздух из своего маленького кривого рта. На его похороны прилетит из Прибалтики Стелла. И будет плакать навзрыд, как ребенок, о бывшем свекре.

Через год приедут из Израиля Милочка и Сонечка. Не Бог весть как одетые и слишком, по мнению родни, худенькие. Все сойдутся на том, что швы на Милочкином лице почти незаметны, а зубы – и вовсе лучше своих. Так и останется неизвестным, кто пустил слух о смерти одной из них. Девочек очень развеселит эта история. Они расскажут о том, что Геночка женился, что у Фаи уже пятеро детей, подарят их фотографии и объяснят, кого как зовут. Но их сложных имен никто не запомнит. А еще через год Рому пошлют в Афганистан.

– Снимай, – скомандовала тетя Муся.

Вареники шлепнулись в миску, щедрый кубик масла быстро поплыл наискось и проскользнул вниз. Густой кисель потек, потянулся кругами. Кто-то бросил для красоты несколько вишеночек, и тетя Муся это великодушно одобрила. Вареники встретили бурной радостью. Матч закончился. Спала жара. На балконе застрекотала цикада. Если бы не надрывный плач ребенка за стеной, было бы просто хорошо.

– О! – вспомнила тетя Муся. – Я ей помогу. Это вы его уже на ночь укачиваете?

– На ночь... Посмотрим, какую он нам сегодня устроит ночь.

– Не-е-ет, – таинственно закричала тетя Муся, – сегодня он будет спать и вам даст поспать.

Она проследовала в спальню, и ребенок почти сразу замолчал. Лиля убрала огрызок яблока, который кто-то по рассеянности бросил на блюдце с Риночкиным портретом.

– Надо вымыть и поставить на место.

Я увязалась за ней на кухню. Мы заварили чай. Нарезали магазинные торты. В спальне было тихо.

– Хоть бы она не учудила там какой-нибудь из своих фокусов. Помнишь, как она Аделинке и Тимуру совала в рот нажеванный хлеб?

– И луком закармливала...

На кухню вышла Леночка, растерянно остановилась в дверях, заслоня глаза от яркого света.

– Спи-и-ит, – протянула она так, будто сама себе не верила.

– Не может быть! – замерла с чайником в руках Лиля. – А что она с ним делала?

– Ничего, – пожала плечами Леночка. – Перепеленала, погладила, наговорила чего-то. Потом дала соску – и все. Уснул.